ОПЫТЪ

РАЗБОРА ПОВѢСТИ ГОГОЛЯ:

„ТАРАСЪ БУЛЬБА".

К. Хоцянова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1883

ОПЫТЪ

РАЗБОРА ПОВѢСТИ ГОГОЛЯ:

„ТАРАСЪ БУЛЬБА“.

Дозволено цензурою 20 Декабря 1882 года.

ОПЫТЪ РАЗБОРА ПОВѢСТИ ГОГОЛЯ:

„ТАРАСЪ БУЛЬБА".

Въ повѣсти своей: „Тарасъ Бульба" Гоголь поэтически изображаетъ крупное историческое явленіе — запорожское казачество. Отсюда — при разборѣ данной повѣсти, нужно, во-первыхъ, выяснить, какую идею сообщаетъ авторъ объ этомъ историческомъ явленіи, и, за тѣмъ, во-вторыхъ, показать, какъ онъ эту идею представляетъ въ живыхъ, художественныхъ образахъ.

Идея о какомъ бы то ни было явленіи получается у насъ тогда, когда мы знаемъ причины его возникновенія, самое возникновеніе его изъ данныхъ причинъ и, наконецъ, тѣ существенные признаки, которыми оно, благодаря всему этому, отличается. Отсюда и для отысканія идеи Гоголя о запорожскомъ казачествѣ, нужно раскрыть начала, которыми оно, по мнѣнію автора, порождено и вызвано къ жизни, освѣтить данными началами его ростъ и развитіе и выяснить, на основаніи всего этого, его отличительныя существенныя черты.

Вслушиваясь въ то, что говоритъ авторъ въ различныхъ мѣстахъ своей повѣсти [1]), становясь лицомъ къ лицу со всѣмъ содержаніемъ ея, проникаясь духомъ ея, дополняя прямыми историческими даннымито, что приходится читать въ ней между строками,— мы относительно происхожденія и развитія запорожскаго казачества узнаемъ и усматриваемъ слѣдующее:

Южная первобытная Россія оставлена своими князьями. Она беззащитна. Какъ коршунъ налетаетъ на нее, душитъ и пожираетъ

[1]) Напримѣръ въ 1-й главѣ: „Бульба былъ упрямъ страшно..." до словъ: „поднять оружіе во славу христіанства" включительно; въ 3-й главѣ, отъ начала до словъ: „Скоро оба молодые казаки" и пр.

ее страшный, свирѣпый, кровожадный, ненасытный хищникъ — монголъ. Истребляются ея города, села и деревни, ея храмы и святыни; какъ срѣзанная косой трава, падаютъ ея обитатели и покрываютъ ее своими трупами; она захлебывается въ крови своихъ собственныхъ дѣтей. Гибнутъ слабыя дѣти ея, гибнутъ и сильные сыны ея. Но въ тоже время, безчеловѣчный врагъ вызываетъ наружу и въ высшей степени возбуждаетъ, таящіяся въ глубинѣ души народа, его могучія, богатырскія силы. И вотъ, возстаютъ мощные сыны южной Россіи, сбрасываютъ съ себя иго варвара и, лишенные дома и кровли, лишенные дорогихъ и милыхъ сердцу, уходятъ за пороги Днѣпра,—уходятъ въ то мѣсто, которое удобно для нихъ, но которое недоступно для ихъ враговъ [1]), уходятъ не за тѣмъ, чтобы укрыться въ этомъ мѣстѣ отъ ужаснаго врага, а затѣмъ, чтобы, собравшись здѣсь съ большими или меньшими общими силами, нападать на этого же врага и мстить ему, — мстить и ратовать за себя, за братьевъ и сестеръ, за отцевъ и дѣтей, за родину-отчизну-мать, — мстить и ратовать за человѣческія права, попранныя дикимъ произволомъ, за святую христіанскую вѣру, поруганную истязаніемъ и умерщвленіемъ ея исповѣдниковъ, уничтоженіемъ христіанскихъ храмовъ и святынь. Эти грозные борцы, сбросивъ съ себя оковы ненавистнаго рабства, получаютъ названіе казаковъ, т. е. вольныхъ воиновъ или вольныхъ людей вообще [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, составивъ изъ себя общество для борьбы съ невѣрными, для защиты христіанъ и ихъ храмовъ и святынь, для охраны такимъ образомъ Христовой вѣры, — наши борцы называются еще и рыцарями, именемъ членовъ тѣхъ религіозныхъ обществъ, которыя съ такою же точно цѣлью появляются въ это время во всѣхъ концахъ Европы [3]).

Еще монголъ клюетъ свою беззащитную жертву, а уже новый и еще болѣе опасный врагъ постепенно подкрадывается къ ней, пока не налагаетъ на нее свою тяжелую руку, пока совершенно не овладѣваетъ ею, пока всецѣло не охватываетъ ее своими желѣзными тисками. Сирая! она еще больше изнемогаетъ, еще больше задыхается подъ тяжестью обрушившихся на нее бѣдъ. Еще чувствительнѣе для нея вражескіе удары. Еще глубже ея раны, еще невыносимѣе ея муки, еще болѣзненнѣе ея вопли и стоны. Новый

[1]) См. Русск. ист. Иловайскаго, 141 стр., 4-го изд. Боплана: „Описаніе Украины“.
[2]) См. сочин. Костомарова: „Богданъ Хмѣльницкій“.
[3]) См. сочин. Гоголя т. IV, ст. „Взглядъ на составленіе Малороссіи“, парагр. 7.

врагъ ея — это Польша. Какъ страшный, все истребляющій ураганъ проносится монголъ надъ осиротѣлой землей, но послѣ этого хоть на короткое время, да наступаетъ для нея болѣе или менѣе тихая погода: хоть изрѣдка, хоть мелькомъ, да заглянетъ къ ней, да пригрѣетъ ее лучъ свѣта. Польша же, хотя не бурно, хотя тихо, да покрываетъ ее непроницаемымъ мракомъ. Монголъ разрушаетъ города, села и деревни, губитъ народъ; но при всемъ томъ, получая отъ своей жертвы матеріальную добычу, успокоивается. Монголъ налагаетъ рабство на весь народъ, но въ тоже время не трогаетъ личной свободы каждаго отдѣльнаго члена его [1]). Монголъ уничтожаетъ христіанскіе храмы и святыни, мучитъ и убиваетъ христіанъ; тѣмъ не менѣе предоставляетъ каждому по своему вѣровать въ Бога и славословить Его, предоставляетъ каждому мыслить и говорить на своемъ родномъ языкѣ, соблюдать свои нравы и обычаи, словомъ—не касается внутренняго—умственнаго, нравственнаго и религіознаго міра своихъ побѣжденныхъ [2]). Польша же никогда не оставляетъ въ покоѣ своей жертвы: совершенно порабощаетъ личную свободу южно-россіянъ низшаго класса, дѣлаетъ ихъ своими полными рабами, постоянно заставляетъ ихъ работать на нее, покрываетъ ихъ кровавымъ трудомъ свою безумную роскошь и высасываетъ изъ нихъ всѣ ихъ соки; неутомимо, дьявольски старается поработить умственно - нравственно - религіозный міръ всѣхъ южно-россіянъ: посягаетъ на ихъ вѣру, языкъ, нравы и обычаи. Какая.... дерзость! Ничтожный червь считаетъ себя призваннымъ, сильнымъ, полнымъ властелиномъ въ дѣлахъ всемогущаго Бога. Какой возмутительный деспотизмъ — насильно заставлять другихъ признавать совершеннѣйшимъ то вѣроисповѣданіе, которое мы сами признаемъ такимъ! Какое варварство вообще принуждать другихъ мыслить, чувствовать, говорить, жить по нашему—и тѣмъ убивать ихъ человѣческую личность, ихъ внутреннее *я!* Но Польша этимъ не смущается. Да и не Бога и не внутренняго міра своихъ побѣжденныхъ собственно то имѣетъ она въ виду. Вся цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы совершенно поработить себѣ южную Россію, чтобы уничтожить всякую самобытность ея и стереть съ лица земли ея личную физіономію. Вотъ для этого-то и старается Польша уничтожить вѣру, языкъ, нравы и обычаи всѣхъ южно-

[1]) См. Русск. ист. Устр., т. I, стр. 255, изд. 5.
[2]) См. Русск. ист. Иловайскаго, стр. 55, изд. 4.

россіянъ, уничтожить то, чѣмъ сохраняется цѣльность и самостоятельность народа, его жизнь, его крѣпость и сила, его личность. Въ эту тяжкую годину народныхъ бѣдствій, пасынки южной Россіи, особенно изъ дворянъ, избѣгая притѣсненій со стороны поляковъ, принимаютъ католическую вѣру, усвоиваютъ себѣ польскіе нравы и обычаи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый языкъ. Вѣрные же сыны родины и отечества, особенно изъ простаго народа, тѣмъ тверже держатся своей православной вѣры, своихъ нравовъ и обычаевъ и своего языка. За то эти послѣдніе подвергаются самымъ жестокимъ гоненіямъ не только со стороны поляковъ, но и со стороны своихъ же вѣроломныхъ русскихъ. Но въ тоже время, являясь для южной Россіи болѣе безчеловѣчнымъ врагомъ, чѣмъ монголъ, Польша вмѣстѣ съ тѣмъ больше послѣдняго и будитъ и воспламеняетъ спящія исполинскія силы народа. И вотъ въ то время, какъ одни изъ мучениковъ за свои убѣжденія страдаютъ и погибаютъ подъ гнетомъ невыносимаго рабства, другіе изъ нихъ съ негодованіемъ разрываютъ цѣпи этого рабства, оставляютъ домъ, семью, родныхъ и друзей, и уходятъ за тѣ же пороги Днѣпра, въ то же удобное для нихъ, но недоступное для ихъ враговъ мѣсто [1]), уходятъ къ своимъ кровнымъ по плоти, духу и вѣрѣ,—уходятъ не за тѣмъ, чтобы искать у нихъ убѣжища отъ опасности, а за тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ ними мстить своимъ врагамъ и ратовать за все дорогое и святое.

Само собою понятно, что интересы новыхъ пришельцевъ и прежнихъ обитателей Запорожья дѣлаются общими, что мысли, чувства и желанія однихъ находятъ полный отголосокъ въ сердцахъ другихъ и что, наконецъ, всѣ они, какъ братья, сливаются въ одну обширную, родную, такъ сказать, казацко-рыцарскую семью.

Такимъ образомъ, за порогами Днѣпра все больше и больше ростетъ и развивается общество, которое, по самой сущности своей, обладаетъ слѣдующими характерными чертами:

а) Члены этого общества возстаютъ противъ деспотизма, противъ насилія, противъ произвольнаго господства одного человѣка надъ другимъ. Отсюда въ основу ихъ общины ложится принципъ свободы, принципъ равенства. Всѣ они „паны-братья“ между собою. Правда, они сознаютъ, что члены общины, какъ и члены тѣла, должны быть управляемы одною главой. Но начальникомъ ихъ ста-

[1]) См. 171 стр. соч. Боплана: „Описаніе Украины“ Устр. Русск. ист. т. I, стр. 272.

новится тотъ, которому они сами вручаютъ власть надъ собой; который, по ихъ мнѣнію, обладаетъ, сравнительно со всѣми ими, избыткомъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, и который для того именно и является старшимъ между ними, чтобы этимъ избыткомъ силъ своихъ служить имъ. Ихъ собственное сердце, ихъ собственный здравый смыслъ диктуетъ имъ священныя слова Евангелія: „...Кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою [1]):—слова Того, Кто въ совершенствѣ зналъ и выразилъ идеалъ соціальныхъ отношеній между людьми. И они, т. е. члены Запорожской общины, осуществляютъ эти слова самой жизнью своею.

б) Лучшіе сыны южной Россіи, дорожа своимъ роднымъ языкомъ, своими нравами и обычаями, особенно дорожатъ своей Православной Религіею. Они всею душою вѣруютъ, что одна только Православная Религія даетъ человѣку истинное спасеніе. Поэтому-то они такъ много, такъ сильно и страдаютъ за нее. Страдаютъ за нее тѣ изъ нихъ, на которыхъ обрушивается монгольскій погромъ. Ихъ, правда, не принуждаютъ отказаться отъ православной религіи. Но и они, во время варварскихъ набѣговъ невѣрныхъ, въ борьбѣ съ этими послѣдними за православныхъ христіанъ, за праславные храмы и святыни, лишаются роднаго крова, семейства, друзей, и поэтому справедливо могутъ считаться страдальцами за Православную Религію. Тѣмъ же болѣе могутъ считаться такими тѣ изъ лучшихъ сыновъ южной Россіи, на которыхъ сыплются безпощадные удары польскаго бича, которыхъ столько преслѣдуютъ, столько мучатъ прямо изъ-за Православной Религіи. А извѣстно, что и маловажная сама по себѣ вещь становится для насъ дорога, если намъ приходится бороться и страдать изъ-за того, чтобы защитить отъ грубаго насилія свои законныя права на нее. Какъ же послѣ этого, должна быть дорога лучшимъ сынамъ южной Россіи Православная Религія, которая и сама по себѣ для нихъ неоцѣнима и за которую имъ, кромѣ того, приходится столько страдать въ борьбѣ съ грубымъ, дикимъ насиліемъ. Вотъ это-то отношеніе къ Православной Религіи, или, лучше сказать, эта-то благоговѣйная любовь къ ней и заставляетъ многихъ сильнѣйшихъ изъ нихъ, крайне возмутившихся духомъ, удалиться въ Запорожье съ тѣмъ, чтобы, вооружившись здѣсь, мстить и ратовать за неё. Стало-быть—

---

[1]) Матѳ. 20, 26.

эта же благоговѣйная любовь къ Православной Религіи живетъ въ сердцѣ послѣднихъ и въ самомъ Запорожьѣ.

в) Душою всего человѣчества служитъ чудная всемогущая, животворная любовь. Только выродки человѣчества, потерявшіе образъ Божій и подобіе Божіе, уничтожили въ себѣ этотъ высочайшій даръ неба, потушили въ себѣ этотъ согрѣвающій и оживляющій всѣхъ свѣтильникъ міра. Впрочемъ, можетъ быть, и у нихъ тлѣется онъ еще на днѣ души хоть ничтожной искоркой, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ тѣмъ нравственнымъ уродамъ, которые раздѣляютъ ихъ позорную жизнь, ихъ постыдные интересы. Во всякомъ случаѣ, даръ этотъ присущъ всѣмъ тѣмъ людямъ, которые не составляютъ исключенія изъ общей человѣческой семьи. Но онъ находится у нихъ на различной степени яркости, силы и блеска. У однихъ, напримѣръ, горитъ онъ яркимъ пламенемъ, у другихъ же онъ едва мерцаетъ слабымъ огонькомъ, у однихъ любовь всеобъемлюща, простирается на всѣхъ людей; у другихъ же она слишкомъ узка, ограничивается маленькимъ кружкомъ ихъ родныхъ и друзей, а по отношенію къ остальнымъ людямъ оказывается холодной, безжизненной, мертвой, по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ замѣняется даже противоположнымъ чувствомъ, — чувствомъ ненависти, вражды и проч. Все это зависитъ—съ одной стороны—отъ того, въ какой степени горитъ въ сердцѣ людей и сіяетъ въ ихъ душѣ божественный огонь, а съ другой — отъ того, какъ вліяютъ на нихъ различныя обстоятельства ихъ жизни, различныя столкновенія ихъ съ другими людьми. Кровавыя зрѣлища, неслыханныя звѣрства, ужасныя пытки, безпримѣрныя жестокости, которыя монголы и поляки чинятъ въ южной Россіи, возбуждаютъ и воспламеняютъ ея достойныхъ сыновъ состраданіемъ, а вслѣдъ затѣмъ и любовью ко всѣмъ угнетеннымъ и порабощеннымъ дѣтямъ ея, ко всѣмъ ея страдальцамъ и страдалицамъ. Вотъ эта-то пламенная любовь къ нимъ и заставляетъ возмущенныхъ героевъ южной Россіи перенестись въ Запорожье съ тѣмъ, чтобы, сплотившись здѣсь въ одно могучее цѣлое, мстить и ратовать за нихъ. Слѣдовательно, эта же пламенная любовь къ нимъ со всею яркостью, со всею силою горитъ въ сердцѣ нашихъ героевъ и въ самомъ Запорожьѣ. Здѣсь, кромѣ того, каждый запорожецъ проникается еще и особенною любовью къ своимъ братьямъ-товарищамъ, которые пришли сюда для той же цѣли, для какой онъ пришелъ, которые подвергаются той же участи, какой онъ подвергается; которые раздѣляютъ всѣ его глав-

ныя мысли, чувства и желанія: такъ что въ концѣ концовъ всѣ запорожцы какъ бы живутъ одной душою и однимъ сердцемъ.

г) Монголы и поляки, увлекаясь своимъ необузданнымъ произволомъ, своей свирѣпостью, издѣваются и кощунствуютъ надъ всѣмъ святымъ для южно-россіянъ, терзаютъ, грызутъ, рвутъ, обагряютъ кровью, наполняютъ воплями и стонами ихъ родину-отчизну, лишаютъ ихъ самыхъ дорогихъ и милыхъ сердцу. Все это естественно воспламеняетъ истинныхъ сыновъ южной Россіи ненавистью, злобою и негодованіемъ по отношенію къ ихъ врагамъ. Вотъ это-то чувство и заставляетъ проснувшихся богатырей южной Россіи уйти въ Запорожье съ тѣмъ, чтобы, соединившись здѣсь въ одну дружину, мстить своимъ врагамъ и ограничиват ихъ звѣрства. Этимъ же чувствомъ, слѣдовательно, живутъ и дышутъ наши богатыри и въ самомъ Запорожьѣ.

д) Любовь къ родинѣ-отчизнѣ, любовь къ вѣрѣ, любовь къ братьямъ, ненависть къ врагамъ, злоба и негодованіе противъ враговъ — все это заставляетъ сильныхъ, могучихъ сыновъ южной Россіи придти въ Запорожье съ тѣмъ, чтобы, подавъ другъ другу руку на братство, на товарищество, вмѣстѣ мстить врагамъ и ратовать противъ нихъ за все дорогое и святое. Вслѣдствіе этого запорожцы и дѣлаютъ набѣги на своихъ враговъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ запорожцы дѣлаютъ эти набѣги еще и съ тою цѣлью, чтобы поживиться на счетъ своихъ враговъ, поживиться на счетъ тѣхъ, которые ихъ лишили всего. Между тѣмъ это послѣднее обстоятельство сообщаетъ нашимъ запорожцамъ далеко неблаговидную наружность, — наружность хищническую, наружность ихъ же, столь ненавистныхъ для нихъ, враговъ. Нападая на этихъ послѣднихъ, запорожцы расплачиваются тою же монетою, которую должны имъ, и которая вообще въ ходу въ этотъ грубый, дикій, варварскій вѣкъ. Но въ такомъ случаѣ запорожцы являются въ высшей степени жестокими, безчеловѣчными,—являются такими же кровопійцами, какими видимъ ихъ враговъ.

е) Отчаянныя, ожесточенныя, звѣрскія схватки съ врагами, предоставляя свободу, раздолье ненависти, злобѣ, негодованію и ярости, накипѣвшимъ въ душѣ запорожцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ полный просторъ ихъ широкой богатырской натурѣ, ихъ грозным, исполинскимъ силамъ, въ высшей степени разжигаютъ и въ тоже время закаляютъ ихъ желѣзный характеръ, дѣлаютъ ихъ вполнѣ неустрашимыми, храбрыми, мужественными и научаютъ ихъ совер-

шенно хладнокровно встрѣчаться лицомъ къ лицу со смертью и прямо смотрѣть ей въ глаза.

ж) Но яростные набѣги, кровавыя схватки чередуются съ временнымъ затишьемъ. Какъ же тогда разражается вулканическая натура запорожцевъ? Въ чемъ тогда находятъ для себя исходъ ихъ мощная, бьющая ключемъ энергія и ихъ кипучія, неудержимыя силы? Могучій, но бранный духъ запорожцевъ, ихъ широкая, бушующая натура, клокочущія въ груди ихъ бурныя силы естественнѣе всего проявляются и показываютъ себя тогда въ бѣшеной, не знающей границъ, гульбѣ. Тѣмъ болѣе, что этому способствуетъ еще слѣдующее обстоятельство. Безпощадныя схватки съ врагами бываютъ для многихъ изъ запорожцевъ роковыми: у многихъ изъ нихъ слетаетъ во время этихъ схватокъ съ плечь буйная головушка; многія изъ нихъ дѣлаются въ это время жертвами преждевременной смерти. Отсюда время затишья есть единственное для запорожца время, которое онъ можетъ считать своимъ, въ которое могутъ послужить ему добытыя у враговъ ужаснымъ, кровопролитнымъ, смертельнымъ боемъ сокровища, въ которое онъ можетъ пожить и повеселиться. Какъ же такимъ отчаяннымъ удальцамъ, какъ запорожцы, не пользоваться этимъ временемъ для пиршества и разгула?!

Свобода, равенство, братство, отчаянное удальство во время войны, широкое раздолье во время мира привлекаютъ въ Запорожье и не южно-россіянъ, напримѣръ, обитателей восточной Руси, даже поляковъ и татаръ, или же и южно-россіянъ, но въ томъ и другомъ случаѣ чуждыхъ тѣхъ именно мотивовъ, которые заставили придти сюда уже знакомыхъ намъ запорожцевъ. Привлекаютъ тѣхъ, которые уже обречены палачу, которымъ уже глядитъ въ глаза и которыхъ уже охватываетъ своими холодными, костлявыми руками ужасная позорная смерть преступника, но которымъ удается избѣжать этой страшной, роковой участи своей; тѣхъ, которымъ вообще почему-либо не въ мочь жить на своей родинѣ или въ своемъ отечествѣ; тѣхъ, которые вообще не терпятъ никакого гнета и грудью стоятъ за равенство правъ всѣхъ людей; тѣхъ, которые ищутъ простора для своей неугомонной натуры, которые хотятъ развернуться и дать волю своимъ неукротимымъ силамъ, для которыхъ, какъ говорится, жизнь—копѣйка, голова—наживное дѣло; тѣхъ, которые не имѣютъ крова, пріюта, родныхъ, друзей, которые не знаютъ, гдѣ голову преклонить, тѣхъ, которыхъ прель-

щаетъ богатая добыча и привольная жизнь и проч. и проч. Запорожскіе казаки-рыцари охотно принимаютъ всѣхъ этихъ выходцевъ, потому что съ поступленіемъ послѣднихъ въ общину растетъ ея сила и могущество, — однако, принимаютъ съ тѣмъ лишь, совершенно понятнымъ, условіемъ, чтобы всѣ новые пришельцы были или сдѣлались православными христіанами и чтобы они всегда являлись готовыми положить животъ свой за то, что такъ дорого и свято для общины, за что она ратуетъ съ такимъ геройскимъ самоотверженіемъ и за что она такъ безстрашно отдаетъ жизнь свою.

Выводя отличительные признаки запорожскаго казачества изъ причинъ, породившихъ послѣднее, мы видимъ, что одними и тѣми же обстоятельствами обусловливаются какъ привлекательныя, возвышенныя, гуманныя, такъ и отталкивающія, низкія, безчеловѣчныя черты характера запорожцевъ,—видимъ, что изъ одного и того же источника вытекаетъ чистое и нечистое, свѣтлое и темное. Но при этомъ же, вглядываясь хорошенько въ дѣло, мы вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что основнымъ въ характерѣ запорожцевъ служатъ ихъ хорошія черты, только вся жизнь запорожцевъ повита такими жестокими невзгодами, что хорошія черты ихъ въ своемъ проявленіи неизбѣжно сопровождаются дурными чертами: видимъ, что въ глубинѣ души запорожцевъ чистое и свѣтлое, только это чистое въ своемъ бурномъ и неудержимомъ стремленіи къ цѣли захватываетъ и мчитъ за собою попадающееся ему на пути нечистое: только лучи этого свѣтлаго падаютъ на непрозрачныя тѣла, за которыми образуется темное пространство.

И дѣйствительно!

Переносясь въ Сѣчь, колыбель и мѣсто-жительство запорожцевъ, мы, напримѣръ, поражаемся здѣсь ихъ бѣшенымъ разгуломъ. Но этотъ бѣшеный разгулъ служитъ, какъ мы уже знаемъ, выраженіемъ ихъ могучей, бурной натуры, ихъ кипящихъ, исполинскихъ силъ, является „признакомъ широкаго размета душевной воли“ [1]), и потому заключаетъ въ себѣ такъ много поэтическаго, заключаетъ въ себѣ „что-то очаровывающее“ [1]).

Мы поражаемся въ Сѣчи грубыми отношеніями казаковъ между собою: чуть только возникаетъ между ними несогласіе, какъ тотчасъ же они пускаютъ въ ходъ кулаки и ломаютъ другъ друга до тѣхъ

---

[1]) Выраженія Гоголя.

поръ, пока одни изъ нихъ не осиливаютъ другихъ. Но это объясняется слѣдующимъ: казаки не привыкли рѣшать спорные вопросы путемъ отвлеченныхъ логическихъ доводовъ и цѣльныхъ стройныхъ разсужденій; между тѣмъ, сама жизнь пріучила ихъ смотрѣть на физическую силу, какъ на даръ Божій, который даетъ имъ возможность отстаивать и защищать все правое и святое: и вотъ, въ случаѣ несогласія между ними, они инстинктивно и употребляютъ этотъ даръ Божій, какъ жребій свыше, какъ жребій, который долженъ рѣшить и указать, кто говоритъ правду и кто заблуждается. Поэтому-то схватка запорожцевъ между собою и не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго, ничего злобнаго. Это доказывается тѣмъ, что непосредственно за окончаніемъ ея и побѣдители и побѣжденные отправляются вмѣстѣ пировать и гулять, какъ родные братья, какъ добрые друзья и товарищи.

Насъ поражаетъ въ Сѣчи неслыхано своевольное, дерзкое, несправедливое отношеніе казаковъ къ своему верховному начальнику. Кошевой не разрѣшаетъ казакамъ набѣга на султана, потому что сами они именемъ Христовымъ поклялись послѣднему жить съ нимъ въ мирѣ. И за это пьяные казаки ругаютъ кошеваго въ глаза очень неприличными словами и приказываютъ ему тотчасъ же положить знаки своего достоинства. Но мы уже знаемъ, что казаки сами вручаютъ кошевому власть надъ собою, вручаютъ для того, чтобы онъ, пользуясь даннымъ ему отъ Бога, сравнительно съ ними, избыткомъ дарованій, служилъ всѣмъ имъ, служилъ святому дѣлу всей общины. Отсюда—стоитъ кошевой на высотѣ своего призванія, свято исполняетъ свои обязанности,—и онъ пользуется безпрекословнымъ повиновеніемъ со стороны казаковъ, является ихъ полнымъ властелиномъ, неограниченнымъ владыкою; оказывается же онъ не на своемъ мѣстѣ, злоупотребляетъ общимъ довѣріемъ, кощунственно относится къ своимъ священнымъ обязанностямъ,—и онъ тотчасъ же лишается власти надъ казаками, становится лицомъ отвѣтственнымъ передъ ними, лицомъ, подлежащимъ ихъ суду и строгому наказанію. Вотъ поэтому-то, когда охмѣлѣвшимъ казакамъ, неспособнымъ здраво разсуждать, брошена мысль, что кошевой, не предпринимая никакихъ набѣговъ, губитъ ихъ казацкія силы: когда мысль эта попадаетъ въ ихъ отуманенныя и разгоряченныя головы, какъ искра въ порохъ: когда притомъ еще разбушевавшаяся воинственная натура ихъ жаждетъ бѣшеной дѣятельности и войны, — они и требуютъ, чтобы кошевой

немедленно же снялъ съ себя санъ и уступилъ мѣсто другому, который, по ихъ мнѣнію, лучше станетъ служить казакамъ и дастъ имъ имъ полную возможность показать свою рыцарскую доблесть. Что же касается той грубой формы, въ которой казаки выражаютъ кошевому свое требованіе, тѣхъ неприличныхъ словъ, съ которыми они обращаются къ нему, то за это вообще нечего взыскивать съ запорожцевъ. Они еще болѣе грубо поступаютъ съ тѣмъ, кого выбрали въ кошевые, когда тотъ сначала упирается и отказывается принять предложенную ему честь. Они незнакомы съ утонченнымъ обращеніемъ культурнаго человѣка, который часто даже свои ядовитыя, враждебныя мысли, по отношенію къ ближнему, прикрываетъ прекрасными, вѣжливыми, дружескими фразами. Благодаря взгляду запорожцевъ на кошеваго, этотъ послѣдній, даже въ томъ случаѣ, когда онъ, по ихъ собственному сознанію, съ достоинствомъ носитъ свой санъ, давая имъ совѣты, а не приказанія, долженъ стоять предъ ними безъ шапки, тогда какъ сами они остаются въ шапкахъ. Но эти же самые запорожцы, наиболѣе своевольные и буйные изъ нихъ, почтительно стоятъ „съ непокрытыми головами, потупивъ очи въ землю", когда кошевой раздаетъ „повелѣнія"; эти же самые запорожцы покорно слушаютъ когда онъ говоритъ: „Если кто въ походѣ напьется, то никакого нѣтъ на него суда: какъ собаку за шеяку повелю его припмыкнуть до обозу, кто бы онъ ни былъ, хоть наидоблестнѣйшій казакъ изъ всего войска; какъ собака будетъ онъ застрѣленъ на мѣстѣ и кинутъ безъ всякаго погребенья на поклевъ птицамъ, потому что пьяница въ походѣ недостоинъ христіанскаго погребенья" [1]).

Переносясь на театръ бранныхъ подвиговъ запорожцевъ, мы становимся свидѣтелями ихъ безчеловѣчности, варварства, тиранства, звѣрства. Мѣста, гдѣ происходитъ расправа казаковъ съ врагами, охватываются всепожирающимъ пламенемъ, далеко, далеко распространяютъ вокругъ себя зарево всеистребляющаго пожара, оглашаются душу раздирающими воплями и стонами, заливаются и утучняются кровью. Тамъ, гдѣ появляются запорожцы, „все прощается съ жизнью", все гибнетъ. Гибнутъ виновные, гибнутъ и невинные. „Дыбомъ сталъ бы нынѣ волосъ — говоритъ авторъ — отъ тѣхъ страшныхъ знаковъ свирѣпства полудикаго вѣка, которые пронесли вездѣ запорожцы. Избитые младенцы, обрѣзанныя

---

[1]) См. пов. „Т. Б."

груди у женщинъ, содранная кожа съ ногъ по колѣна у выпущенныхъ на свободу,—словомъ, крупною монетою отплачивали казаки прежніе долги". Но при всемъ томъ запорожцы именно только „отплачивали прежніе долги". И потому именно запорожцы такъ усердно расплачивались съ своими кредиторами, что они, запорожцы, слишкомъ сильно проникнуты любовью къ тому, за что имъ пришлось расплачиваться,—они слишкомъ сильно проникнуты любовью къ Православной Вѣрѣ и ко всѣмъ братьямъ своимъ по вѣрѣ. Это въ высшей степени краснорѣчиво доказывается слѣдующими фактами. Пока рѣчь идетъ о набѣгѣ на татаръ съ цѣлью наживы, съ цѣлью посвятить молодыхъ казаковъ, еще не видавшихъ сраженія, въ санъ воина-рыцаря, между казаками замѣчается колебаніе, разногласіе. Правда, когда кошевой предлагаетъ „пустить съ челнами однихъ молодыхъ", толпа со всѣхъ сторонъ кричитъ: „Веди, веди всѣхъ!", но при этомъ же ретивые запорожцы прибавляютъ: „ за вѣру готовы положить головы", считая, очевидно, сраженіе съ невѣрными борьбою за вѣру. Во всякомъ случаѣ, пока еще нѣтъ нужды сражаться за вѣру и за братьевъ по вѣрѣ, казаки, если и рѣшаются сдѣлать набѣгъ на татаръ, то именно только для молодыхъ — и только молодыхъ думаютъ снарядить въ походъ. И на всю эту затѣю они смотрятъ лишь какъ на приготовительное средство къ настоящей борьбѣ за святое дѣло. Да и самая рѣчь о набѣгѣ на татаръ первоначально возбуждена только однимъ изъ казаковъ. Но едва получается изъ гетманщины вѣсть, что поляки возмутительнѣйшимъ образомъ кощунствуютъ и издѣваются надъ Православной Вѣрой, надъ православными храмами и святынями; что поляки подвергаютъ христіанъ жестокимъ оскорбленіямъ, варварскимъ истязаніямъ, крайне мучительнымъ убійствамъ, лютымъ казнямъ,—едва получается эта вѣсть, какъ ужъ всѣ запорожцы, словно одинъ человѣкъ, всѣ и старые, и молодые, всѣ горятъ желаніемъ идти противъ ненавистнаго врага, всѣхъ пожираетъ жажда мести, всѣ объяты воинственнымъ пламенемъ. Происходитъ совѣщаніе только относительно способа нападенія на врага; относительно же того, нужно ли это нападеніе, необходимо ли оно, никто и не поднимаетъ вопроса: для запорожцевъ это уже давно рѣшенное дѣло, какъ дѣло первой важности, какъ дѣло святое, какъ дѣло, неразлучное со всѣмъ ихъ существованіемъ, какъ дѣло, составляющее главную цѣль всей ихъ жизни и дѣятельности. Когда запорожцы находятся подъ Дубномъ, изъ Сѣчи получается вѣсть,

„что татары, во время отлучки казаковъ, ограбили въ ней все, вырыли скарбъ, который втайнѣ держали казаки подъ землей, избили и забрали въ плѣнъ всѣхъ, которые оставались, и со всѣми забранными стадами и табунами направили путь прямо къ Перекопу... Въ подобныхъ случаяхъ водилось у запорожцевъ гнаться въ ту же минуту за похитителями, стараясь настигнуть ихъ на дорогѣ, потому что плѣнные какъ разъ могли очутиться на базарахъ Малой Азіи, въ Смирнѣ, на Критскомъ островѣ, и Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ не показались бы чубатыя запорожскія головы!" Но теперь не то,—теперь казаки въ недоумѣніи, казаки не знаютъ, что дѣлать: оставаться ли имъ подъ Дубномъ, или гнаться за татарами. Что же удерживаетъ запорожцевъ подъ Дубномъ? Желаніе отомстить полякамъ? Нѣтъ, запорожцы „здѣсь уже погуляли. Ляхи знаютъ, что такое казаки, за вѣру, сколько было по силамъ, отомстили" [1]). Надежда получить съ поляковъ добычу? Опять же нѣтъ; „корысти съ голоднаго города немного" [1]). Въ матеріальныхъ разсчетахъ запорожцамъ, напротивъ, несравненно выгоднѣе гнаться за татарами, которые похитили всю ихъ богатую казну. Казна эта, кромѣ того, дорога запорожцамъ еще и въ нравственномъ отношеніи: она, вѣдь, „добыта христіанской кровью" [1]). Что же все-таки удерживаетъ запорожцевъ подъ Дубномъ? Что приводитъ ихъ въ смущеніе и недоумѣніе? Подъ Дубномъ удерживаютъ запорожцевъ товарищи ихъ, взятые въ плѣнъ: запорожцевъ приводитъ въ смущеніе и недоумѣніе то, что они не знаютъ, по отношенію къ кому исполнить имъ „первый святой законъ товорищества" — къ плѣненнымъ ли поляками, или къ плѣненнымъ татарами. Запорожцы не хотятъ оставить у поляковъ „собратьевъ своихъ на то, чтобы съ нихъ съ живыхъ содрали кожу, или, исчетвертовавъ на части казацкое ихъ тѣло, развозили бы ихъ по городамъ и селамъ, какъ уже сдѣлали они (т. е. поляки) съ гетманомъ и лучшими русскими витязями на Украйнѣ". Въ тоже время запорожцы чрезвычайно тревожатся тѣмъ, что если они сейчасъ же не поспѣшатъ освободить своихъ товарищей, плѣненныхъ татарами, то жизнь этихъ плѣнниковъ „продана будетъ на вѣчное невольничество язычникамъ, что хуже всякой лютой смерти". Выручаетъ запорожцевъ старѣйшій годами во всемъ запорожскомъ войскѣ, Касьянъ Бовдюгъ". Бовдюгъ предлагаетъ одной половинѣ запорожцевъ остаться

---

[1]) Соч. Гоголя, т. I, стр. 333.

подъ Дубномъ, а другой гнаться за татарами. Всѣ запорожцы приходятъ въ восторгъ отъ предложенія Бовдюга. Имъ слышится въ этомъ предложеніи голосъ свыше, голосъ Самого Бога. Бовдюгъ является въ данномъ случаѣ выразителемъ того, что жило, но таилось во всей природѣ, во всемъ духѣ запорожцевъ: слова Бовдюга выводятъ на свѣтъ Божій ту истину, которую каждый изъ запорожцевъ носитъ въ глубинѣ своей души. Уста Бовдюга произносятъ то, о чемъ каждому запорожцу втайнѣ говорило его же собственное сердце. Или—душа и сердце всѣхъ запорожцевъ заговорили, послѣ сильнаго напряженія, устами Бовдюга. Но чему такъ радуются запорожцы? Чѣмъ они такъ восторгаются? Развѣ они не видятъ, что, раздѣлившись на двѣ части, они этимъ на половину уменьшаютъ свою силу? Развѣ они не знаютъ, что всей ихъ силы необходимо для борьбы какъ съ однимъ, такъ и съ другимъ врагомъ? Развѣ они не понимаютъ, что, рѣшаясь нападать на того и другаго врага съ половиннымъ войскомъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшаются идти на вѣрную смерть? Да, запорожцы все это хорошо видятъ, все это хорошо знаютъ, все это хорошо понимаютъ. Тѣмъ не менѣе, они все-таки радуются предложенію Бовдюги, все-таки съ восторгомъ принимаютъ это предложеніе: оно даетъ имъ возможность исполнить священнѣйшій долгъ свой по отношенію къ однимъ и другимъ товарищамъ, даетъ имъ возможность выразить свою безпредѣльную любовь ко всѣмъ товарищамъ, избавляетъ ихъ отъ необходимости оставить тѣхъ или другихъ товарищей своихъ безъ всякой борьбы въ рукахъ враговъ, избавляетъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ невыразимой внутренней боли, отъ безконечнаго душевнаго горя, отъ невыносимыхъ сердечныхъ мукъ. А все это такъ важно для запорожцевъ, что заглушаетъ въ нихъ мысль о неизбѣжной смерти за товарищей, или — лучше сказать — самую эту смерть за товарищей дѣлаетъ пріятной, желанной гостьей. Да развѣ они давно уже не обрекли себя на смертельную борьбу за православныхъ братьевъ своихъ вообще? Имъ ли, поэтому, задумываться надъ смертью, имъ ли охотно не жертвовать жизнью тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ ихъ ближайшихъ товарищахъ, которые тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ ними одной общей судьбою, одной общей участью? И запорожцы раздѣляются на двѣ половины. Одна половина прощается съ другой. Въ высшей степени трогательно это прощаніе. Охотно принося себя въ жертву, въ тоже время каждый изъ запорожцевъ невольно задумывается о судьбѣ своихъ

товарищей, какъ тѣхъ, съ которыми разстается, такъ и тѣхъ, съ которыми ему предстоитъ совершить великій роковой подвигъ,— товарищей, которые такъ дороги, такъ милы его сердцу. Закаленные въ бою рыцари, чуждые нѣжностей, цѣлуются, однако, теперь другъ съ другомъ,—цѣлуются потому, что этимъ они дѣйствительно выражаютъ не простую нѣжность, а глубокую, неисчерпаемую товарищескую любовь, которая невольно вырвалась наружу въ тяжелую минуту прощанія,—прощанія, по всей вѣроятности, послѣдняго, — цѣлуются потому, что это составляетъ для нихъ святой христіанскій обрядъ. Поэтому же они и цѣлуются „навкрестъ“. Ничего не говорятъ казаки, прощаясь другъ съ другомъ, молчатъ они, но какъ знаменательно это молчаніе! Какъ выразительно ихъ взаимное прощальное пожатіе руки! Какъ много говоритъ собою одинъ только видъ задумчивой сѣдой головы казака! Прощаніе казаковъ другъ съ другомъ въ высшей степени и торжественно. Это приготовленіе къ великому священнодѣйствію, къ великому жертвоприношенію, при которомъ каждый думаетъ занять мѣсто первосвященника, войти въ святое святыхъ своей души и самаго себя принести на закланіе. Наступаетъ и самое священнодѣйствіе, самое жертвоприношеніе. Казаки приносятъ свои головы, свою душу на алтарь священной любви къ вѣрѣ и товарищамъ, и тысячами ложатся на полѣ битвы. Но что мы слышимъ изъ устъ умирающихъ казаковъ? Что произносятъ запорожцы въ послѣднія минуты своего земнаго существованія, въ тѣ страшныя, роковыя и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественныя, священныя минуты, когда вся жизнь, вся душа человѣка невольно высказывается въ нѣсколькихъ словахъ? Испускающіе духъ свой, казаки завершаютъ свое земное бытіе, всѣ свои земные подвиги слѣдующими словами: „Прощайте, паны-братья-товарищи! пусть же стоитъ на вѣчныя времена православная русская земля и будетъ ей вѣчная честь...“, или: „Пусть же пропадутъ всѣ враги и ликуетъ вѣчные вѣки русская земля!..“, или: „Пусть же цвѣтетъ русская земля!..“, или: „Благодарю Бога, что довелось мнѣ умереть при глазахъ вашихъ, товарищи! пусть же послѣ насъ живутъ лучше, чѣмъ мы, и красуется вѣчно любимая Христомъ русская земля!..“ Чѣмъ жили казаки, за то они и умираютъ, съ тѣмъ и душа ихъ улетаетъ на небо. Конечно, страшная бездна, неизмѣримая пропасть между любовью запорожцевъ и любовью Того, кто отдалъ Себя на страданія и смерть за все человѣчество, Кто среди ужасныхъ, невыразимыхъ мукъ молился за

враговъ своихъ. Но Самъ Спаситель сказалъ: „Больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“ [1]). Много ли самоотверженныхъ людей, которые осуществили и осуществляютъ эти великія, любвеобильныя слова? Такіе люди рѣдкими, рѣдкими единицами стоятъ въ исторіи человѣчества. Они, какъ свѣтильники среди ужаснаго мрака ночи, свѣтятся на очень, очень далекомъ разстояніи другъ отъ друга. А между тѣмъ запорожцы цѣлыми тысячами осуществляли сейчасъ приведенныя слова Божественнаго Учителя.

Послѣ всего сказаннаго ясно какъ Божій день, что Гоголь сообщаетъ намъ о запорожскомъ казачествѣ слѣдующую идею:

Тяжелыя обстоятельства, горькія испытанія, доставшіяся на долю южной Россіи въ то время, когда она находилась подъ игомъ татаръ и поляковъ, вызвали изъ нѣдръ ея на сцену народной жизни и дѣятельности людей, колоссальныхъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, людей истинныхъ героевъ плоти и духа, людей, всецѣло посвятившихъ себя служенію великой, свѣтлой, гуманной идеѣ, людей, отдавшихъ душу свою и положившихъ головы свои за эту идею: но тѣ же самыя тяжелыя обстоятельства, тѣ же самыя горькія испытанія были причиной и того, что служеніе этихъ людей сейчасъ сказанной идеѣ неизбѣжно выражалось грубымъ, жестокимъ, варварскимъ, безчеловѣчнымъ, звѣрскимъ образомъ.

И вотъ эту-то идею свою о запорожскомъ казачествѣ, идею о замѣчательномъ историческомъ явленіи Гоголь передаетъ не какъ историкъ, а какъ поэтъ.

Но въ чемъ заключается различіе между передачею идеи о томъ или другомъ историческомъ явленіи историкомъ и передачею этой же самой идеи поэтомъ?

Чтобы отвѣтить удовлетворительно на этотъ вопросъ, необходимо сказать, въ чемъ состоитъ вообще сущность поэзіи и отличіе ея отъ науки.

Извѣстно, что съ самаго появленія человѣчества на порогѣ жизни, съ перваго шага его на пути земнаго странствованія, кормилицей и руководительницей его является внѣшняя окружающая насъ природа. Она впервые пробуждаетъ дарованныя Богомъ человѣчеству силы и способности. Подъ ея вліяніемъ, на ея глазахъ эти силы и способности ростутъ и развиваются. Неразрывно съ

[1]) Іоанна, гл. 15, ст. 13.

этимъ, человѣчество все болѣе и болѣе знакомится съ своей воспитательницей и учительницей. Подъ ея же вліяніемъ человѣчество знакомится и съ своимъ собственнымъ внутреннимъ міромъ, она же открываетъ человѣчеству глаза и показываетъ ему, какой чудный даръ данъ ему отъ Бога. Страшной, таинственной, грозной, безпощадной является сначала природа для человѣчества. Но чѣмъ ближе человѣчество знакомится съ природою, чѣмъ больше подъ ея вліяніемъ раскрываются предъ нимъ его собственныя духовныя силы, чѣмъ ярче эти силы горятъ и освѣщаютъ его внутренній міръ, чѣмъ больше оно сознаетъ и видитъ свои дарованія, свою мочь,—тѣмъ болѣе смягчается предъ нимъ его суровая, недоступная прежде наставница, тѣмъ болѣе она открываетъ ему свои дивныя прелести, свои чудесныя тайны, свои неисчерпаемыя сокровища, тѣмъ болѣе она покоряется и побѣждается имъ, тѣмъ болѣе она вынуждена признать его своимъ обладателемъ и властелиномъ. При всемъ томъ, однако, нельзя сказать, чтобы природа учила человѣчество на свою же бѣду, на свою же голову. Напротивъ, въ обладаніи ею человѣчества она только и находитъ истинное выраженіе своей жизни, истинный смыслъ и истинное значеніе своего бытія. Природа сверкаетъ вѣчной красотой, въ природѣ таится премудрость Божія, надъ природою носится духъ Божій. Но въ тоже время сама природа ничего этого не видитъ, ничего этого не знаетъ, ничѣмъ этимъ не наслаждается. Кто же, кромѣ человѣка, который одинъ только изъ земныхъ тварей созданъ по образу и по подобію Божію, который одинъ только одаренъ способностью понимать прекрасное, разумное и величественное, кто же, кромѣ человѣка, увидѣлъ бы вѣчную красоту природы, оцѣнилъ бы эту красоту и наслаждался бы ею? Кто же, кромѣ человѣка, открылъ бы таящуюся въ природѣ премудрость Божію и воспользовался бы ею для своихъ разумныхъ, высокихъ цѣлей? Кто же, кромѣ человѣка, узрѣлъ бы носящагося надъ природою Духа Божія и освѣтился бы имъ на темномъ, невѣдомомъ пути своей жизни? Вмѣстѣ съ тѣмъ, пока человѣчество порабощено природою, пока оно не чувствуетъ внутри себя божественнаго огня, пока оно не знаетъ дарованныхъ ему Небомъ силъ и способностей, члены его, безсмысленные, безумные рабы, унижаютъ и оскверняютъ въ своемъ лицѣ образъ Божій и подобіе Божіе, плотію подавляютъ духъ свой, въ каждомъ изъ такихъ же, какъ сами они, существъ—видятъ существо плоти, а не духа, существо звѣря, а не человѣка,

и, какъ звѣри же, душатъ и пожираютъ другъ друга. Но чѣмъ больше человѣчество освобождается изъ-подъ ига природы, чѣмъ больше оно обогащается свѣдѣніями, чѣмъ больше разгорается въ немъ божественный огонь, чѣмъ больше оно сознаетъ дарованныя ему Небомъ могущество и власть, тѣмъ болѣе члены его возвышаютъ и освѣщаютъ въ себѣ образъ Божій и подобіе Божіе, тѣмъ болѣе предоставляютъ духу господства надъ плотію, тѣмъ болѣе видятъ въ каждомъ изъ подобныхъ себѣ существъ существо человѣка, а не звѣря, тѣмъ болѣе проникаются, вслѣдствіе этого, любовью другъ къ другу и тѣмъ болѣе заботятся о взаимномъ счастіи и благоденствіи. Однимъ словомъ, чѣмъ больше человѣчество понимаетъ окружающую его внѣшнюю и свою собственную внутреннюю природу, чѣмъ больше оно выступаетъ изъ мрака невѣжества и подвигается впередъ на пути прогресса и просвѣщенія, — тѣмъ оно счастливѣе, тѣмъ оно выше, тѣмъ оно чище, нравственнѣе, тѣмъ оно ближе къ вѣчнымъ, непреложнымъ евангельскимъ истинамъ, которыя такъ прекрасно выразили и показали высокій идеалъ человѣческой жизни, человѣческаго счастія и блаженства. И кто вѣритъ въ вѣчный прогрессъ человѣчества, кто вѣритъ, что христіанство, какъ единая религія, согласная со всею природою человѣка, какъ единая религія, устанавливающая между Богомъ и людьми общеніе живое, свободное, благотворное, общеніе любящаго отца съ дорогими для него дѣтьми, какъ единая религія, способная возвышать человѣка до Бога,—кто вѣритъ, говоримъ мы, что христіанство по всему этому должно завоевать всѣ уголки міра, всѣ тайники человѣческой души и человѣческаго сердца,—тотъ вмѣстѣ съ нами перенесется въ даль будущаго и увидитъ, что наступитъ наконецъ то блаженное время, когда всѣ люди станутъ лицомъ къ лицу съ Христовыми истинами, когда истины эти зальютъ своимъ свѣтомъ всю вселенную, когда этимъ свѣтомъ освѣтятся всѣ души и согрѣются всѣ сердца.

Но какимъ же образомъ получается столь необходимое, столь драгоцѣнное для человѣка познаніе внѣшняго и внутренняго міра? Само собою разумѣется, что для этого познанія необходимо знакомство съ явленіями того и другаго міра. Но какъ пріобрѣтается это знакомство? Конечно, каждое явленіе отличается отъ всѣхъ другихъ своими особенными признаками: иначе оно и не было бы отдѣльнымъ, самостоятельнымъ явленіемъ. И вотъ, при встрѣчѣ со всякимъ индивидуальнымъ явленіемъ, мы отличаемъ и узнаемъ

его по его особеннымъ признакамъ. По, во-первыхъ, явленій внѣшняго и внутренняго міра такое безконечное множество, что всей многовѣковой жизни человѣчества, всѣхъ его гигантскихъ силъ и трудовъ недостаточно для того, чтобы познакомиться съ каждымъ изъ этихъ явленій въ отдѣльности. Во-вторыхъ, въ томъ и другомъ мірѣ совершается вѣчная смѣна однихъ явленій другими, такъ что каждое отдѣльное явленіе, какъ такое именно, смѣнившись слѣдующимъ, изчезаетъ на вѣки. А потому и знаніе, которое пріобрѣтается человѣчествомъ относительно того или другаго явленія, какъ такого именно, должно, по изчезновеніи этого послѣдняго, сдѣлаться безполезнымъ и, не прикрѣпленное ни къ чему, въ скоромъ времени совершенно изчезнуть. Къ тому же смѣна явленій совершается съ такой быстротою, что всѣ они лишь мелькаютъ предъ глазами человѣчества. Слѣдовательно, и познанія, которыя пріобрѣтаются относительно тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ явленій, какъ такихъ именно, должны лишь мелькать предъ умственнымъ взоромъ человѣка, должны быть совершенно мимолетны. Въ-третьихъ, какъ ни много явленій остаются за предѣлами зрѣнія и вѣдѣнія человѣчества, все-таки безконечно число тѣхъ явленій, съ которыми человѣчество встрѣчается и знакомится. Какое же безконечное разнообразіе, какой же страшный безпорядокъ, какой же невыразимый хаосъ должны быть послѣ этого въ умственной области человѣчества! Между тѣмъ, человѣкъ, служа отраженіемъ Безконечной, Всеобъемлющей Идеи, Вѣчнаго, Единаго Духа, неудержимо стремится обнять своимъ умомъ всю вселенную, жаждетъ знанія постояннаго, неизмѣннаго, и среди всякаго разнообразія неутомимо ищетъ однообразія, во всякомъ множествѣ непремѣнно старается найти единство. И дѣйствительно! Уже потому самому, что во внутреннемъ мірѣ отражается Безконечная Идея, Вѣчный, Единый Духъ; уже по тому самому, что внѣшній міръ, если и не служитъ такимъ отраженіемъ Безконечнаго, Вѣчнаго, Единаго, какимъ служитъ внутренній міръ, то все-таки, подобно последнему, является плодомъ творческой дѣятельности этого же Безконечнаго, Вѣчнаго и Единаго,—уже по тому самому—говоримъ мы—явленія того и другаго міра заключаютъ въ себѣ данныя для удовлетворенія всѣмъ сейчасъ сказаннымъ потребностямъ человѣка. Какъ ни разнообразны явленія внѣшняго и внутренняго міра, всѣ они группируются въ нашемъ умѣ въ цѣлые стройные ряды, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ большое или меньшое

количество ихъ. Явленія каждаго ряда группируются въ одно цѣлое по тѣмъ общимъ признакамъ, которые составляютъ ихъ основу и сущность, т. е. по такимъ общимъ признакамъ, отъ которыхъ зависятъ многіе другіе признаки данныхъ явленій и безъ которыхъ ни одно изъ нихъ не можетъ существовать. Отсюда—и самые признаки эти называются основными или существенными, а явленія, обнимаемыя ими, однородными. Таковы, напримѣръ, признаки растенія и ствола по отношенію ко всѣмъ деревьямъ; признаки жизни и произвольнаго движенія относительно всѣхъ животныхъ и проч. и проч. И вотъ, благодаря общимъ существеннымъ признакамъ, мы, во-первыхъ, дѣлаемъ обширныя, безконечныя завоеванія на пути къ познанію явленій внѣшняго и внутренняго міра. Узнавъ общіе существенные признаки одной только части однородныхъ явленій, мы, тѣмъ не менѣе, по логической необходимости, заключаемъ, что и всѣ остальныя однородныя явленія, сколько бы ихъ ни было, и гдѣ и когда бы они не существовали, непремѣнно должны обладать тѣми же самыми общими существенными признаками. Напримѣръ, мы знаемъ, что всѣ люди, которые такъ или иначе извѣстны намъ, обладаютъ слѣдующими существенными признаками: разумомъ и человѣческимъ образомъ. И мы съ логической необходимостію заключаемъ, что и всѣ остальные люди, сколько бы ихъ ни было, и гдѣ и когда бы они не существовали, непремѣнно должны обладать тѣми же самыми существенными признаками: разумомъ и человѣческимъ образомъ. Допустить, что одна часть однородныхъ явленій обладаетъ одними существенными признаками, а другая часть—другими, очевидно, значило бы утверждать относительно одного и того же цвѣта, что онъ и черенъ и бѣлъ, относительно одного и того же времени, что оно и день и ночь и проч. Такимъ образомъ общіе существенные признаки дѣлаютъ для насъ доступными самыя отдаленныя области знанія и даютъ нашему уму возможность обнять всю безконечно-разнообразную вселенную. Во-вторыхъ, общіе существенные признаки даютъ намъ знаніе постоянное, вѣчное и неизмѣнное. Общіе существенные признаки явленій отвлекаются отъ ихъ частныхъ, отличительныхъ признаковъ и соединяются въ одно цѣлое. Это цѣлое называется понятіемъ или идеей, словомъ греческимъ, отъ глагола εἴδω—вижу, потому что знать основу и сущность явленій значитъ уже понять или видѣть ихъ какъ слѣдуетъ. Вотъ это то понятіе или идея и даетъ намъ собою вѣчное, неизмѣнное знаніе. Пусть себѣ одни явленія вѣчно

уступаютъ мѣсто другимъ. Но при этомъ всегда замѣчается слѣдующее: а) однородныя явленія смѣняются однородными же; б) въ каждый данный моментъ только часть однородныхъ явленій подвергается измѣненію, всѣ же прочія остаются существовать до тѣхъ поръ, пока, въ свою очередь, не смѣняются—одни раньше, другіе позже—новыми однородными явленіями. Отсюда—въ каждомъ ряду однородныхъ явленій совершается вѣчное движеніе, вѣчное теченіе, вѣчное измѣненіе, но самъ рядъ, рядъ вообще, никогда не прекращаетъ своего существованія. А какъ бы разнообразны ни были явленія того или другаго ряда во все время его существованія, общіе существенные признаки ихъ всегда одинаковы. Такимъ образомъ—общіе существенные признаки, взятые отвлеченно отъ обладающихъ ими явленій, непрерывной нитью тянутся съ самаго перваго момента возникновенія того ряда, въ которомъ замѣчаются, тянутся съ тѣхъ поръ, когда сѣдая теперь старина была еще въ младенческихъ пеленкахъ, и продолжаются въ безконечность. Слѣдовательно—идея, заключающая въ себѣ общіе существенные признаки того или другаго ряда однородныхъ явленій, взятые отвлеченно, вѣчна и неизмѣнна. Безпредѣльное, смертоносное и вмѣстѣ съ тѣмъ животворящее время, оставляя однихъ людей дожидаться своей роковой очереди, ежедневно, ежечасно, ежеминутно уноситъ другихъ въ вѣчность, третьихъ вызываетъ имъ на смѣну. Но это самое показываетъ, что родъ человѣческій вообще, или, что тоже—человѣкъ вообще никогда не уничтожается, никогда не умираетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не уничтожается, никогда не умираетъ идея человѣка. Вообще, если бы мы обладали безконечно далекимъ, всеобъемлющимъ зрѣніемъ, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ могли подняться на такую высоту, съ которой бы въ состояніи были обозрѣвать всю вселенную,—то взорамъ нашимъ открылись бы невыразимо чудныя, волшебныя, разнообразныя картины міроздания. Мы бы, напримѣръ, видѣли, какъ внизу растилается безпредѣльное море, покрытое, усѣянное различными живыми существами; одни изъ нихъ въ полномъ разгарѣ жизни, силъ и здоровья, другія только что начинаютъ жить и смотрѣть на свѣтъ Божій; третьи уже склоняются подъ тяжестью лѣтъ и дожидаются послѣдняго заката своихъ дней; четвертыя изнемогаютъ подъ бременемъ страданій, немощей и болѣзней; одни энергично и смѣло совершаютъ свое плаваніе, другія слабо и нерѣшительно, третьи совсѣмъ никакихъ движеній не дѣлаютъ сами и остаются только во власти прихотли-

выхъ волнъ; но изъ всѣхъ этихъ существъ море постоянно, въ каждомъ пунктѣ своего неизмѣримаго пространства, поглощаетъ все новыя и новыя жертвы, которыя погружаются въ бездну его и изчезаютъ тамъ на вѣки, оставивъ послѣ себя на его поверхности лишь минутную и то едва замѣтную зыбь; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ той же бездны постоянно возникаютъ, выростаютъ, возстаютъ все новыя и новыя существа и занимаютъ мѣсто предшествовавшихъ имъ существъ. Мы бы видѣли, какъ земля, словно ненасытное, страшное чудовище, каждую минуту, каждое мгновеніе, въ неизчислимыхъ пунктахъ своей поверхности, отверзается и пожираетъ новыя и новыя добычи смерти и разрушенія; на ряду съ этимъ та же земля несетъ на своихъ плечахъ и питаетъ своими соками самыя разнообразныя, самыя дивныя, самыя красивыя, самыя великолѣпныя созданія міра: она же постоянно раждаетъ новыя и новыя существа и, подобно нѣжной, любящей матери, лелѣетъ ихъ на своей груди. Мы бы видѣли, какъ на лонѣ природы красуется безчисленное множество поразительно прекрасныхъ, величественныхъ, колоссальныхъ явленій и какъ среди нихъ пестрятъ явленія, совершенно противоположныя,—видѣли бы несмѣтное множество благодѣтельныхъ, животворныхъ явленій и рядомъ съ ними такое же несмѣтное множество явленій страшныхъ, разрушительныхъ. Мы бы видѣли, какъ во всемъ животномъ царствѣ одни существа постоянно истребляютъ и пожираютъ другія. Мы бы видѣли, какъ въ мірѣ человѣческомъ совершается невыразимое множество великихъ подвиговъ и дѣлъ, которыя свидѣтельствуютъ о присутствіи Бога на землѣ, и рядомъ съ этимъ такое же невыразимое множество злодѣяній, которыя ставятъ человѣка гораздо ниже звѣря;—видѣли бы такія радости, такое счастье, такое блаженство, что міръ показался бы намъ свѣтлымъ раемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такое безысходное горе, такую печаль, такія муки, что этотъ же міръ казался бы намъ ужаснѣйшимъ адомъ... Однимъ словомъ — мы бы видѣли невообразимыя теперь картины хаоса жизни и смерти, добра и зла, красоты и безобразія, высокаго и низкаго, радости и горя и проч. и проч. Но въ тоже время, чѣмъ глубже мы бы всматривались въ теченіе міровой жизни, чѣмъ внимательнѣе мы бы изучали и изслѣдовали весь ходъ ея, тѣмъ болѣе безконечно разнообразныя явленія природы группировались бы для насъ въ цѣлые стройные ряды однородныхъ явленій. И если бы взоры наши могли обнять все прошедшее и все будущее, то мы бы воочію ви-

дѣли, какъ ряды эти непрерывно тянутся чрезъ всю длинную цѣпь вѣковъ прошлаго и уходятъ въ безконечную даль будущаго. Вмѣстѣ же съ тѣмъ мы бы видѣли, какъ въ отвлеченіи вѣчны и неизмѣнны общіе существенные признаки каждаго ряда однородныхъ явленій, или, что тоже—какъ вѣчны идеи, относящіяся ко всѣмъ этимъ рядамъ однородныхъ явленій.

Итакъ, общіе существенные признаки однородныхъ явленій даютъ намъ въ лицѣ понятія или идеи знаніе вѣчное и неизмѣнное. Въ-третьихъ, наконецъ—эти же признаки въ лицѣ понятія или идеи приводятъ безконечное разнообразіе къ однообразію, безконечное множество къ единству. Мы уже видѣли, что какъ бы разнообразны ни были тѣ или другія явленія и какъ бы много ихъ ни было, они все-таки соединяются въ одно цѣлое—понятіе или идею, если только у нихъ общіе существенные признаки. Благодаря этому, безконечныя числомъ и разнообразіемъ своимъ явленія подводятся подъ цѣлыя опредѣленныя единицы. Еще болѣе. И единицы эти группируются въ высшія единицы, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ большое или меньшое количество низшихъ единицъ, соединяющихся въ одно цѣлое общими имъ существенными признаками. Высшія единицы такимъ же точно образомъ группируются въ еще болѣе высшія и т. д., пока дѣло не доходитъ до самой высшей, объединяющей собою всѣ низшія. Напримѣръ, нѣтъ числа живымъ существамъ, нѣтъ конца ихъ разнообразію; но всѣ они подводятся подъ цѣлыя опредѣленныя единицы, каковы понятія или идеи: человѣкъ, птица, левъ, медвѣдь, волкъ, лисица, лошадь, овца и проч. и проч., единицы, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ существа, соединяющіяся между собою въ одно цѣлое по своимъ общимъ существеннымъ признакамъ. Всѣмъ этимъ единицамъ общи одни и тѣже существенные признаки: жизнь и произвольное движеніе, и всѣ они соединяются между собою въ высшую единицу—животное. Понятія или идеи: дерево, растеніе, точно также, какъ и понятіе или идея животное, являются высшими единицами, высшими идеями, объединяющими собою много низшихъ единицъ, низшихъ идей. Всѣ эти три высшія идеи (животное, дерево, растеніе) обладаютъ одними и тѣми существенными признаками: внутренней самостоятельной силой развитія и органами, посредствомъ которыхъ эта сила выполняетъ свое назначеніе—и онѣ соединяются въ еще болѣе высшую идею—организмъ. Органическія и не органическія существа, по общему имъ существенному признаку—су-

ществованію, соединяются въ самую высшую единицу или идею— существо вообще. Но и это еще не все. Поднявшись изъ бездны разнообразія и множества до высоты однообразія и единства, обозрѣвая отсюда, какъ неограниченный властелинъ, всѣ стройные ряды міровыхъ явленій, — умъ человѣческій дерзаетъ возвыситься еще до отысканія и пониманія той Высшей, Вѣчной и Единой Идеи, которая служитъ началомъ и конечной цѣлью всего существующаго. Отсюда и философія, взобравшись правдою и неправдою на высоту обобщенія, на высоту объединенія, или даже вообразивъ себя только на этой высотѣ,—всегда старалась найти начало всего существующаго. И чѣмъ вѣрнѣе она поднималась вверхъ по низшимъ ступенямъ обобщенія, по низшимъ ступенямъ объединенія, тѣмъ больше она приближалась къ пониманію Общаго, Единаго Начала всего.

Такимъ образомъ—истинное, необходимое знаніе о мірѣ внѣшнемъ и мірѣ внутреннемъ, о явленіяхъ того и другаго міра получается путемъ пріобрѣтенія понятій или идей.

Но извѣстно, что если бы каждый отдѣльный человѣкъ обладалъ только тѣми понятіями, которыя самъ пріобрѣтетъ путемъ непосредственнаго знакомства съ различными явленіями, то люди всегда оставались бы погруженными въ глубокомъ невѣжествѣ. Извѣстно также, что если бы каждое новое поколѣніе пользовалось лишь тѣми идеями, которыя само добудетъ при непосредственномъ изученіи внѣшней и внутренней природы, то человѣчество и теперь еще стояло бы на низшей степени развитія. Дарованія людей вывели ихъ изъ мрака въ свѣтъ, подняли ихъ изъ глубины невѣдѣнія на высоту знанія, благодаря тому, что понятія одного человѣка дѣлаются достояніемъ другихъ, что идеи предъидущихъ поколѣній завѣщаются послѣдующимъ поколѣніямъ. Нынѣшній хорошій школьникъ мудрецъ, сравнительно съ первобытнымъ философомъ. И это потому, что первый — потомокъ чрезвычайно богатыхъ познаніями предковъ, а послѣдній — сынъ нищихъ духомъ родителей. Много, много понятій или идей служатъ ступеньками той лѣстницы, по которой современный философъ взошелъ на вершину славы. Но сколько между этими идеями его собственныхъ и сколько такихъ, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ предшествовавшихъ ему вѣковъ и которыя онъ собралъ съ разныхъ концовъ свѣта! Да и тѣми идеями, которыя составляютъ его неотъемлемую собственность, онъ обязанъ чужимъ идеямъ, обязанъ потому, что послѣднія открыли, указали и очистили ему путь къ первымъ.

Надежнымъ, вѣрнымъ и точнымъ средствомъ для усвоенія чужихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для пріобрѣтенія своихъ собственныхъ понятій или идей—служитъ наука. Она служитъ такимъ средствомъ потому, что собираетъ добываемыя человѣчествомъ понятія или идеи, очищаетъ ихъ отъ всякаго заблужденія и располагаетъ въ строго послѣдовательномъ порядкѣ по той внутренней связи, по той высшей идеѣ, которая объединяетъ ихъ въ одно неразрывное цѣлое и указываетъ имъ въ этомъ цѣломъ опредѣленныя, неизмѣнныя мѣста. Но какъ ни важна наука для выраженія идей, она, однако, еще не совсѣмъ достаточна. Хотя сущность каждаго ряда однородныхъ явленій заключается въ общихъ всѣмъ имъ основныхъ признакахъ, однако, какъ мы уже сказали выше, ни одно изъ нихъ не имѣетъ дѣйствительнаго, самостоятельнаго бытія, дѣйствительной, самостоятельной жизни безъ тѣхъ особенныхъ признаковъ, которыми они отличаются другъ отъ друга. Мы и представить себѣ не можемъ, напримѣръ, дерева, которое бы обладало лишь признаками растенія и ствола. Нельзя представить себѣ животнаго, которое бы, кромѣ жизни и произвольнаго движенія, никакихъ другихъ признаковъ не имѣло. Словомъ—нѣтъ такого явленія, которое бы можно было представить себѣ съ одними только общими существенными признаками, безъ всякихъ особенныхъ признаковъ. Если общіе существенные признаки и являются для насъ самостоятельнымъ цѣлымъ,—понятіемъ или идеей, то лишь въ отвлеченіи, въ умѣ; на самомъ же дѣлѣ такого самостоятельнаго цѣлаго нѣтъ. Поэтому ни одна идея сама по себѣ не представляетъ намъ тѣхъ явленій, къ которымъ относится. И даже чѣмъ болѣе она отрѣшается отъ этихъ послѣднихъ, чѣмъ болѣе она отдѣляется отъ нихъ, тѣмъ она совершеннѣе, какъ идея, какъ самостоятельная отвлеченная единица. Отсюда—ту или другую идею, не смотря на всю ея отвлеченность, видитъ, однако, воочію только тотъ, кто самъ усмотрѣлъ ее въ живыхъ явленіяхъ природы; та или другая идея дѣйствуетъ на всѣ душевныя силы лишь того, кто непосредственно наблюдалъ и изучалъ явленія, на основаніи которыхъ она составлена. Что же касается другихъ людей, то многіе изъ нихъ совсѣмъ мало понимаютъ ее, а тѣ, которые болѣе или менѣе достаточно ее понимаютъ, все-таки не видятъ ея живой, проникающей собою цѣлый рядъ дѣйствительныхъ явленій, и она занимаетъ только ихъ умъ, но не возбуждаетъ, не трогаетъ ихъ чувства и воли, или по крайней мѣрѣ, очень мало возбуждаетъ и трогаетъ. Между тѣмъ—наука заботится

только о вѣрной передачѣ, о точномъ выраженіи идей, но ей мало дѣла до того—живо ли, или нѣтъ представляемъ себѣ тѣ явленія, отъ которыхъ данныя идеи получены. Правда — наука часто спускается въ дѣйствительную, живую область явленій и черпаетъ оттуда примѣры для разъясненія идей, которыя она сообщаетъ. Но и въ самыхъ примѣрахъ этихъ наука сосредоточивается только на существенныхъ признакахъ, такъ что она, во всякомъ случаѣ, главнымъ образомъ, преимущественно держится, обитаетъ на высотѣ отвлеченія. И вотъ является на помощь поэзія. Поэзія воплощаетъ идею въ художественный образъ, который служитъ живымъ, нагляднымъ выразителемъ ея, такъ что она является для всѣхъ очевидной, дѣйствуетъ на всѣ стороны нашего существа и воспринимается всѣми силами нашей души. Въ этомъ образѣ существенные признаки, общіе всѣмъ явленіямъ извѣстнаго ряда и служащіе какъ бы ихъ душою, органически соединяются съ особенными, индивидуальными признаками, которые сообщаютъ тому или другому изъ данныхъ явленій плоть и кровь. Но тутъ сейчасъ же останавливаетъ насъ слѣдующій вопросъ: не скорѣе ли этимъ поэзія разрушаетъ, чѣмъ воплощаетъ идею? Длинный путь нужно пройти, чтобы добраться до идеи о тѣхъ или другихъ однородныхъ явленіяхъ. Необходимо замѣтить, выдѣлить эти явленія среди безчисленнаго множества другихъ явленій; необходимо различить ихъ общіе существенные и особенные индивидуальные признаки, отдѣлить первые признаки отъ послѣднихъ и соединить ихъ въ одно цѣлое. А поэзія, опять смѣшивая общіе существенные признаки съ признаками особенными, индивидуальными, уничтожаетъ всю эту работу и, вмѣсто идеи о цѣломъ рядѣ однородныхъ явленій, даетъ намъ только копію одного изъ этихъ явленій. Но, во-первыхъ, всякое дѣйствительное явленіе обладаетъ такимъ множествомъ особенныхъ признаковъ и такимъ, наоборотъ, незначительнымъ количествомъ общихъ существенныхъ признаковъ, что для простаго глаза первые сплошь да рядомъ совершенно заслоняютъ собою послѣдніе. Поэзія же, воплощая ту или другую идею, беретъ для этого не всѣ особенные признаки дѣйствительнаго явленія, а только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ отражается идея и которые проникаются ею. Положимъ, нужно олицетворить идею скупаго человѣка. Для этого слѣдуетъ показать, какъ онъ живетъ, ѣстъ, пьетъ, занимается, разсуждаетъ, сходится съ различными людьми, относится къ своимъ домашнимъ и проч. и

проч. На самомъ дѣлѣ во всѣхъ данныхъ проявленіяхъ жизни и дѣятельности скупаго человѣка, рядомъ съ частностями, отражающими въ себѣ основную черту его характера, можно замѣтить множество такихъ частностей, которыя ничего общаго съ этой основной чертой его не имѣютъ. Но поэзія представляетъ лишь тѣ частности, въ которыхъ такъ или иначе отражается основная черта характера и которыя такъ или иначе окрашиваются ею. Во-вторыхъ, оставляя безъ вниманія тѣ особенные признаки, въ которыхъ не отражается воплощаемая идея, поэзія, напротивъ, беретъ какъ можно больше тѣхъ особенныхъ признаковъ, которые отражаютъ въ себѣ эту идею, хотя послѣднихъ и не встрѣчается, или, по-крайней-мѣрѣ — чрезвычайно рѣдко встрѣчается столько въ одномъ и томъ же дѣйствительномъ явленіи. Въ-третьихъ, всѣ эти особенные, индивидуальные признаки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отражающіеся въ нихъ общіе существенные признаки поэзія представляетъ въ такой сильной степени, въ какой на самомъ дѣлѣ они не встрѣчаются, или же встрѣчаются, но только какъ самая замѣчательная рѣдкость. Для подтвержденія всего сейчасъ сказаннаго о поэзіи, обратимся къ нашимъ великимъ, безсмертнымъ художникамъ—поэтамъ: Пушкину и Гоголю—и посмотримъ, какъ они олицетворяютъ идею скупости. Въ жизни изображаемыхъ ими для этого лицъ они показываютъ лишь такіе случаи, которые, подобно фокусу, отражаютъ въ себѣ олицетворяемую идею, а именно — скупость, какъ страсть, порабощаетъ всѣ душевныя силы человѣка, всѣ его лучшія мысли, чувства и желанія. За то этихъ случаевъ оба поэта представляютъ столько и въ такомъ видѣ, что мы едва ли встрѣчаемъ въ дѣйствительности такихъ нравственныхъ уродовъ, какими являются созданныя нашими художниками лица—однимъ—крайне комическое, пошлое, другимъ—колоссально-ужасное. Но если при воплощеніи, олицетвореніи идеи, общей всѣмъ однороднымъ явленіямъ, поэзія беретъ не всѣ особенные признаки того или другаго изъ нихъ, если такія явленія и лица, какія создаетъ поэзія, встрѣчаются въ дѣйствительности только самымъ рѣдкимъ исключеніемъ, даже, можетъ быть, совсѣмъ не встрѣчается, — то невольно возникаютъ новые вопросы: не односторонни ли созданныя поэзіей явленія и лица? естественны ли они и правдоподобны? Созданныя поэзіей явленія и лица, отвѣчаемъ мы на первый вопросъ—не односторонни. Представляя только тѣ особенные признаки, только тѣ частности, въ которыхъ такъ или иначе отражается общая идея,

истинный поэтъ-художникъ въ то же время такъ искусно поднимаетъ завѣсу, что мы видимъ изображаемое явленіе, выводимое на сцену лицо съ разныхъ сторонъ. Обратимся опять къ Пушкину и Гоголю. Мы уже сказали, что изъ жизни представленныхъ ими лицъ они приводятъ лишь такія частности, въ которыхъ отражается овладѣвшая этими лицами страсть. Однако, при этомъ же, наши художники артистически освѣщаютъ и другія черты своихъ героевъ, даютъ намъ возможность видѣть и прочія движенія ихъ души, слышать и иной голосъ ихъ сердца. Все время, какъ видимъ предъ собою скупаго рыцаря, мы поражены, подавлены его ужасной личностію. Страсть съ безпощадной жестокостію губитъ въ немъ человѣческое достояніе, разрушаетъ дарованную ему небомъ святыню и превращаетъ его въ демона, въ страшное чудовище. Но тутъ же на поверхность души его всплываютъ и добрыя воспоминанія о дружескихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между нимъ и покойнымъ герцогомъ. Баронъ, не смотря на свои преклонныя лѣта, изъ чувства преданности къ герцогу, готовъ „дрожащей рукой обнажить мечъ". Баронъ совершенно ложно понимаетъ рыцарскую честь, но насколько онъ ее понимаетъ, онъ горячо вступается за нее. Чувство гадливости, чувство глубокаго презрѣнія вызывается у насъ отвратительной, пошлой личностью Плюшкина. Страсть до того обезличила, обезобразила его, что онъ, по выраженію автора, „обратился въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ". Но при этомъ же самомъ въ душѣ Плюшкина шевелится и тревожитъ его мысль о томъ, что нужно Чичикова принять и угостить, хотя, порабощенный скупостію, послѣдняго сначала и не думаетъ привести въ исполненіе. Затѣмъ, подогрѣтый чувствомъ благодарности, Плюшкинъ уже готовъ и угостить Чичикова. Правда, нужно быть чуждымъ всякой брезгливости, нужно ужъ очень страдать отъ голода, чтобы воспользоваться угощеніемъ, подобнымъ тому, какое Плюшкинъ хотѣлъ предложить Чичикову. Но для Плюшкина такое угощеніе казалось роскошью, настоящимъ пиромъ. Изъ чувства благодарности, Плюшкинъ думаетъ даже подарить Чичикову серебряные часы. Скупость мѣшаетъ Плюшкину осуществить это, но онъ все-таки остается при той мысли, что откажетъ Чичикову часы въ духовномъ завѣщаніи. Эти же, сейчасъ приведенные два факта вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, насколько прекрасное чувство благодарности еще доступно для Плюшкина, — показываютъ, что въ темной душѣ его можетъ еще мелькнуть хоть маленькая искорка, что въ холодномъ, застыв-

шемъ сердцѣ его можетъ еще вспыхнуть хоть слабый огонекъ. Плюшкинъ оживляется воспоминаніями о своемъ школьномъ товарищѣ, и въ это время, на деревянномъ лицѣ, Плюшкина „скользитъ какой то теплый лучь“.—Созданныя поэзіей явленія и лица—отвѣчаемъ мы теперь на второй вопросъ—вполнѣ естественны и правдоподобны. Если бы дѣйствительность и не давала намъ въ такой степени прекрасныхъ или уродливыхъ явленій и лицъ, то это объяснялось бы лишь тѣмъ, что въ жизни человѣка и міра вообще участвуютъ различныя, противоположныя причины. Но совершенно возможно, чтобы относительно жизни и развитія извѣстнаго лица или явленія однѣ причины и по количеству своему и по качеству получили перевѣсъ надъ другими. Вотъ такую-то возможность и представляетъ поэзія. Она показываетъ, какъ существенные признаки, общіе цѣлому ряду явленій, могутъ при извѣстныхъ условіяхъ достигнуть въ томъ или другомъ изъ нихъ такой-то степени развитія. И жизнь представленнаго поэзіей явленія, лица идетъ и развивается по тѣмъ же самымъ естественнымъ законамъ, по какимъ въ дѣйствительности идетъ и развивается жизнь людей и явленій природы. Стоитъ только выслушать монологъ барона (въ Скуп. рыц.), чтобы понять, какъ гордый рыцарь, оскорбляемый надоѣдливыми, назойливыми, грубыми заимодавцами, рѣшается сначала ограничить свою расточительность и копить золото, съ цѣлью избавиться отъ униженій, но какъ онъ потомъ постепенно увлекается золотомъ, пока совершенно не сживается съ той ужасной мыслью, что послѣднему все подчиняется—и безсонный трудъ и вольный геній, и даже добродѣтель, что оно одно даетъ силу, могущество и власть нетолько надъ міромъ внѣшнимъ, но и надъ міромъ внутреннимъ,—увлекается до того, что всецѣло порабощается имъ, считаетъ его своимъ божествомъ и поклоняется ему, какъ божеству. Стоитъ только прочитать біографію Плюшкина, чтобы видѣть, какъ обстоятельства, особенно вліявшія на его характеръ, постепенно превратили его изъ бережливаго хозяина, какихъ очень, очень много встрѣчаемъ въ жизни, въ невиданнаго, неслыханнаго скрягу, постепенно довели его до крайней степени ничтожности, мелочности и гадости. И мы имѣемъ теперь полное право заключить нашу рѣчь о поэзіи слѣдующимъ: поэзія передаетъ идею въ живомъ образѣ, который освѣщаетъ всѣ явленія, обнимаемыя данной идеей, яркимъ, истиннымъ свѣтомъ; который отмѣчаетъ собою, дѣлаетъ нагляднымъ, очевиднымъ ихъ значеніе и сущность; съ ко-

торымъ каждое изъ нихъ болѣе или менѣе сходно въ главномъ, существенномъ; отъ котораго, кажется, они исходятъ, подобно лучамъ отъ солнца, и въ которомъ всѣ они объединяются, какъ бы въ лицѣ своего общаго предка. Отсюда—всякій такой образъ, созданный поэзіей, носитъ названіе типа, названіе, заимствованное изъ греческаго языка и получившее начало въ словѣ typto — бью, ударяю, оттуда и отмѣчаю, а вслѣдъ затѣмъ и въ производномъ отъ глагола typto существительномъ typos—видъ, первообразъ. Въ типичномъ лицѣ, представляемомъ поэзіей, узнаетъ себя всякій, кто обладаетъ тѣми чертами, тѣми признаками, которые составляютъ воплощенную въ этомъ лицѣ идею,—узнаетъ себя даже тогда, когда признаки эти проявляются въ данномъ лицѣ несравненно сильнѣе, ярче. И какъ это благотворно! Человѣкъ часто не замѣчаетъ своего нравственнаго недуга, а если и замѣчаетъ, то все-таки остается равнодушнымъ къ этому. Но онъ содрогается, приходитъ въ ужасъ, видя себя хоть отчасти въ крайне отвратительномъ образѣ, лицѣ, видя вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ низко онъ можетъ упасть, если только будетъ поддаваться своей страсти. Точно также и наоборотъ. Человѣкъ часто не обращаетъ должнаго вниманія на свои прекрасныя способности и не пользуется ими, какъ слѣдуетъ, ни для себя, ни для другихъ. Но онъ перерождается, оживаетъ духомъ, воспламеняется энергіею и встаетъ для новой—полезной ему и другимъ—жизни и дѣятельности, видя себя хоть очень смутно въ благородной, высокой личности, видя, на какую нравственную высоту можетъ онъ подняться, если только будетъ развивать и эксплуатировать свои богатыя дарованія.

Выяснивъ сущность поэзіи и отличіе ея отъ науки, мы можемъ теперь показать разницу между историческимъ изложеніемъ какого нибудь событія и поэтическимъ изображеніемъ его. Исторія, какъ наука, излагаетъ событія прошлой жизни того или другаго народа въ строго послѣдовательномъ порядкѣ по ихъ внутренней, необходимой связи, по той высшей идеѣ, которая объединяетъ ихъ въ одно органическое, живое цѣлое. Исторія такимъ образомъ опредѣляетъ мѣсто каждаго событія въ длинной цѣпи другихъ событій, выясняетъ связь его съ предъидущими и послѣдующими событіями, показываетъ, какъ оно вытекаетъ изъ первыхъ и, въ свою очередь, вліяетъ на послѣднія. При всемъ этомъ исторія, само собою разумѣется, приводитъ и разсматриваетъ тѣ частные факты и явленія, изъ которыхъ слагаются передаваемыя ею событія. Но она приво-

дитъ и разсматриваетъ лишь тѣ явленія и факты, которыя служатъ существенными признаками данныхъ событій, и сосредоточивается на этихъ явленіяхъ и фактахъ лишь настолько, насколько они служатъ такими именно признаками. Она собираетъ только существенные признаки событій, чтобы передать вѣрныя и точныя понятія или идеи о нихъ, показать тѣмъ постепенный ростъ, постепенное развитіе даннаго народа и выяснить истинныя причины, истинныя начала этого роста, этого развитія. Но если исторія вездѣ сосредоточивается лишь на существенныхъ признакахъ событія, если она всегда стремится только къ идеѣ послѣдняго, то она не дастъ намъ живаго, нагляднаго представленія о немъ и самую идею его сообщаетъ въ отвлеченномъ видѣ. Сосредоточиваясь на приводимыхъ фактахъ и явленіяхъ лишь настолько, насколько они служатъ существенными признаками событія, исторія показываетъ намъ однѣ блѣдныя тѣни этихъ фактовъ и явленій. Приводя только тѣ явленія и факты, которые служатъ существенными именно признаками событія, исторія показываетъ намъ еще болѣе блѣдную тѣнь самого событія. Да и отъ этихъ блѣдныхъ тѣней она старается оторвать насъ и унести въ даль, въ высь отвлеченія, гдѣ обитаетъ идея. Но туда поднимаются только тѣ люди, которые уже болѣе или менѣе привыкли къ обобщенію, къ отвлеченію. Только тѣ болѣе или менѣе видятъ, что показываетъ событіе, только тѣ болѣе или менѣе слышатъ, что говоритъ его идея. Другіе же люди, кромѣ блѣдныхъ тѣней, которыя мелькаютъ предъ ихъ глазами, едва ли что нибудь видятъ и слышатъ. Но и возвышающіеся умомъ своимъ до идеи событія не видятъ воочію тѣхъ замѣчательныхъ фактовъ и явленій прошлаго, которые бы подѣйствовали на всѣ ихъ душевныя силы; не становятся лицомъ къ лицу съ тѣми историческими дѣятелями, которые бы всецѣло привлекли ихъ къ себѣ своими великими подвигами, или совершенно оттолкнули отъ себя своими возмутительными преступленіями. Не воспламеняется душа, не трепещетъ сердце восторгомъ или негодованіемъ, при отвлеченномъ взглядѣ на этихъ историческихъ дѣятелей. Лишь холодное одобреніе или порицаніе воздается ихъ памяти. И вотъ поэзія и въ данномъ случаѣ является на помощь. Поэзія, какъ частные факты и явленія, изъ которыхъ слагается извѣстное событіе, такъ и самое событіе это передаетъ въ живыхъ картинахъ, въ яркихъ художественныхъ образахъ. Поразительные факты и явленія прошлаго такъ и стоятъ въ поэзіи предъ нашими глазами, такъ и дѣйствуютъ на всю нашу душу,

такъ и трогаютъ все наше сердце. Выдающіеся историческіе дѣятели являются предъ нами въ поэзіи во всемъ своемъ свѣтѣ. Мы видимъ удивительныя черты ихъ лица, замѣчаемъ сильныя волненія ихъ души, слышимъ бурныя тревоги ихъ сердца. Они своимъ нравственнымъ величіемъ, своей самоотверженной преданностію вѣчной любви, вѣчной правдѣ, своимъ неуклоннымъ служеніемъ идеѣ истины и добра приковываютъ насъ къ себѣ, воодушевляютъ насъ къ подражанію ихъ жизни и дѣламъ, возбуждаютъ лучшія силы нашего духа и освѣщаютъ нашъ внутренній міръ отраднымъ свѣтомъ; или же своимъ эгоизмомъ, своей жестокостію, безчеловѣчностію, своимъ попираніемъ божескихъ и человѣческихъ правъ, обдаютъ насъ ужасомъ, приводятъ въ крайнее негодованіе, внушаютъ намъ по отношенію къ себѣ полнѣйшее отвращеніе и заставляютъ содрогаться при мысли походить на нихъ. А вмѣстѣ со всѣмъ этимъ поэзія воплощаетъ, олицетворяетъ для насъ и идею событія. Однимъ словомъ—поэзія является для передачи историческихъ идей тою же могучей, живой и понятной вѣщательницей, какой она является для передачи прочихъ идей. Правда, уже и художественная исторія разстилаетъ предъ нами прошлое въ наглядныхъ картинахъ, показываетъ событія въ яркихъ образахъ, представляетъ лица во всемъ ихъ живомъ ростѣ, во всей ихъ нравственной величинѣ. Но, во-первыхъ, самое названіе *художественной* показываетъ, что такая исторія—родная сестра поэзіи. Во-вторыхъ, оставаясь исторіей, хотя и художественной, она не обладаетъ такой широкой, свободной кистью для изображенія прошлаго, для живописи событій и лицъ, какой обладаетъ поэзія. Исторія обязана представить прошлое такъ, какъ оно было въ дѣйствительности. Поэтому она строго и тщательно должна провѣрить всѣ памятники, добываемые ею, и можетъ пользоваться лишь тѣми изъ нихъ, которые при разборѣ и оцѣнкѣ оказались совершенно достовѣрными. Подложными памятниками, даже только сомнительными—исторія не имѣетъ права пользоваться. Тѣмъ же менѣе имѣетъ она право сама созидать факты, сама творить лица, или къ достовѣрнымъ фактамъ отъ себя прибавлять различныя подробности, дѣйствительныя лица дорисовывать вымышленными чертами, хотя бы все это и необходимо было для дополненія картины прошлаго, для болѣе нагляднаго представленія событій, для лучшей, художественнѣйшей характеристики историческихъ дѣятелей. Желая ярче, живѣе представить прошлое, исторія можетъ лишь дѣлать различныя, болѣе или менѣе вѣроятныя пред-

положенія, но она обязана оттѣнить и высказать ихъ именно какъ только предположенія. Между тѣмъ — много, много драгоцѣнныхъ подробностей того или другаго событія уноситъ съ собою время и не оставляетъ ни малѣйшаго слѣда, по которому бы можно было отыскать ихъ. Но сколько свѣта, сколько жизни придаетъ событію даже одна какая нибудь подробность. Одинъ, прибавленный живописцемъ штрихъ, нерѣдко освѣщаетъ, одухотворяетъ, оживляетъ всю картину. Слѣдовательно, исторія, будь она даже художественная, за недостаткомъ матеріала, очень часто лишена возможности представить полную, наглядную картину того или другаго событія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воплотить въ живой образъ идею этого событія. Поэзія же, не находя въ прошломъ нужныхъ ей подробностей, властна сама изобрѣтать факты, созидать лица, дѣйствительные факты дополнять подробностями своего собственнаго произведенія, историческія лица освѣщать чертами своего собственнаго творчества. Она обязана только въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, заботиться о томъ, чтобы жизнь и развитіе всего созданнаго ею совершалась по тѣмъ естественнымъ законамъ, по какимъ въ дѣйствительности совершается жизнь и развитіе міра и человѣка. Какъ всегда, такъ и теперь поэзія обязана соблюдать, чтобы явленіе, которое она изобрѣтаетъ, возможно было вообще въ дѣйствительности, возможно было, кромѣ сего, въ томъ мѣстѣ и въ то время, къ которымъ пріурочивается; чтобы лицо, которое она создаетъ, вообще естественно было физически и психически, естественно было въ частности въ ту эпоху, среди той національности, того общества, къ которымъ относится. Вмѣстѣ же съ тѣмъ, дополняя, дорисовывая историческіе факты и лица новыми подробностями, новыми чертами, поэзія должна заботиться, чтобы эти подробности, эти черты были естественны, правдоподобны сами по себѣ и, сверхъ того, вполнѣ гармонировали съ остальными подробностями, съ остальными чертами данныхъ фактовъ и лицъ. Если бы, напримѣръ, вмѣсто могучаго героя, полнаго кипучей жизни, рѣшимости, горящаго нетерпѣніемъ сражаться за отечество, воодушевляющаго своимъ необычайнымъ мужествомъ все войско, Пушкинъ представилъ Петра Великаго, колеблющимся предъ началомъ генеральной Полтавской битвы, мнительнымъ, плачущимъ о грѣхахъ, просящимъ у подданныхъ прощенія, — то, будь это въ высшей степени прекрасно изображено, все-таки возмущало бы чувство правдивости, какъ рѣзко противорѣчащее всему тому, что сообщается исторіей о колоссальной личности Петра...

И вотъ, согласно съ сейчасъ указанной миссіею поэзіи въ дѣлѣ распространенія историческихъ идей, и нашъ великій поэтъ представилъ во всемъ свѣтѣ, во всемъ блескѣ прошлую жизнь запорожцевъ, воплотилъ и олицетворилъ идею запорожскаго казачества. Онъ собралъ и вновь создалъ всѣ нужныя для этого подробности и лица. Созданныя имъ подробности и лица дышатъ жизнію, правдой. Нужно быть геніемъ, чтобы достойнымъ образомъ воспѣть генія. Нужно быть художникомъ-поэтомъ, чтобы передать всѣ тѣ красоты, всѣ тѣ дивныя прелести, которыми блеститъ, сіяетъ повѣсть „Тарасъ Бульба“ отъ начала до конца. Какъ часто въ ней— что ни слово—то образъ, что ни періодъ, то картина. Каждое лицо—живой типъ; каждая глава—цѣлая область жизни природы и человѣка. Сколько въ этой повѣсти такихъ высокихъ, такихъ торжественныхъ мѣстъ, отъ которыхъ вѣетъ библейскимъ духомъ, которыя вырываютъ насъ изъ нашей обычной среды и уносятъ въ какой то чудный, обаятельный міръ. Какимъ величіемъ поражаетъ насъ вся повѣсть! Мы отмѣтимъ только болѣе крупные пункты того, что сдѣлалъ Гоголь для поэтическаго выраженія идеи о запорожскомъ казачествѣ. А именно: повѣсть „Тарасъ Бульба“ показываетъ намъ въ высшей степени живописныя, волшебныя картины украинской природы. Предъ нами разстилается та „безконечная, вольная, прекрасная степь“, которая возлелѣяла рыцарей съ такой широкой натурой, съ такимъ свободнымъ, могучимъ духомъ. Въ повѣсти наглядно изображается Сѣчь, и мы какъ бы своими собственными глазами видимъ „гнѣздо, откуда вылѣтаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы,—откуда разливается воля и казачество на всю Украину“. Мы присутствуемъ на замѣчательныхъ собраніяхъ Запорожцевъ, слышимъ ихъ оригинальныя совѣщанія. Мы переносимся на мѣсто брани; намъ представляются, характеризующіе собою запорожское и польское войско, видъ и устройство того и другаго; видимъ жестокость, безчеловѣчность поляковъ и запорожцевъ, становимся свидѣтелями храбрости, мужества первыхъ, восторгаемся доблестью, подвигами, геройствомъ послѣднихъ. При всемъ томъ авторъ знакомитъ насъ со многими отдѣльными лицами, заставляя ихъ самихъ говорить и дѣйствовать. Авторъ знакомитъ насъ такимъ образомъ не только съ запорожцами, но и съ поляками и съ жидами, которые имѣли такое или иное отношеніе къ запорожцамъ. Главный же поэтическій пріемъ Гоголя для передачи идеи о запорожскомъ казачествѣ, состоитъ въ томъ,

что онъ олицетворилъ ее въ Тарасѣ Бульбѣ, который служитъ самымъ блестящимъ типомъ запорожцевъ, въ которомъ всѣ хорошія и дурныя черты послѣднихъ находятъ свое полное развитіе, свое полное выраженіе. Тарасъ обставленъ всѣми подробностями, всѣми лицами, какія только нужны для полнаго, всесторонняго воплощенія и олицетворенія въ немъ идеи. Около Тараса Бульбы группируются всѣ разсказанныя въ повѣсти факты и событія, почему послѣдняя и называется его именемъ.

Мы, поэтому, главнымъ образомъ и познакомимся съ личностію Тараса. Что же касается другихъ лицъ и подробностей, то мы ихъ лишь настолько разсмотримъ, насколько это нужно будетъ для того, чтобы освѣтить личность Тараса, представить олицетворенную въ немъ идею и показать ея художественное выраженіе.

Первое, что насъ поражаетъ въ Тарасѣ, это встрѣча его съ сыновьями, которые пріѣхали къ нему, по окончаніи курса въ Кіевской Бурсѣ. Мысленно присутствуя при этой встрѣчѣ, мы ожидаемъ, что Тарасъ, какъ отецъ, обниметъ своихъ дѣтей, приголубитъ ихъ, приласкаетъ. Но, вмѣсто всего этого, Тарасъ смѣется надъ ихъ длинными свитками и надъ ними самими. Это еще ничего. Старшій сынъ Тараса—Остапъ, чувствуя себя оскорбленнымъ насмѣшками отца, грозитъ послѣднему, что поколотитъ его, если только онъ не перестанетъ смѣяться. Тарасъ удивленъ дерзостью сына, но только на минуту. Быстро мѣняются мысли у Тараса, и онъ дѣйствительно предлагаетъ сыну драться. „И отецъ съ сыномъ—говоритъ авторъ—вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки стали насаживать другъ другу тумаки и въ бока, и въ поясницу и въ грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая“. Этого мало. Чувствуя усердные и сильные кулаки Остапа, Тарасъ приходитъ въ прекрасное расположеніе духа и по отцовски цѣлуется съ сыномъ. Тарасъ даже, напротивъ, недоволенъ тѣмъ, что его не угощаетъ своими кулаками младшій сынъ — Андрей, почему и не цѣлуется съ этимъ послѣднимъ. Пожалуй, вся эта сцена можетъ показаться намъ неестественной, придуманной авторомъ для одной лишь забавы читателя. Но стоитъ только вникнуть во внутренній смыслъ данной сцены, чтобы видѣть всю ея глубокую, психологическую правду. Тарасъ весь вѣкъ свой только тѣмъ и жилъ, тѣмъ и дышалъ, только то и дѣлалъ, что съ самоотверженіемъ, храбро, мужественно сражался за Православную Вѣру и за братьевъ по вѣрѣ. Понятное дѣло, Тарасъ проникнутъ

желаніемъ, чтобы и его соотечественники, исповѣдующіе одну съ нимъ вѣру, а тѣмъ болѣе его собственные сыновья, были ревностными, самоотверженными, мужественными защитниками той же идеи, которая наполняетъ собою всю его жизнь. Отсюда—переносясь къ будущему своихъ сыновей, Тарасъ всегда думалъ о нихъ, какъ о славныхъ, ловкихъ казакахъ. Особенно же такъ думаетъ онъ о нихъ теперь, когда видитъ ихъ уже вполнѣ взрослыми, цвѣтущими жизнью и здоровьемъ, когда имъ предстоитъ уже казацкое, рыцарское служеніе. Между тѣмъ — длинная одежда ихъ, похожая на священническіе подрясники, должна мѣшать ловкости и быстротѣ движеній, необходимымъ въ ратномъ дѣлѣ казака-рыцаря. Вотъ этотъ-то контрастъ между господствующей мыслію Тараса о своихъ сыновьяхъ и внѣшнимъ видомъ ихъ одежды—и вызываетъ у него насмѣшки. Онъ и говоритъ имъ: „А побѣги который нибудь изъ васъ! я посмотрю, не шлепнется ли онъ на землю, запутавшись въ полы“. Остапъ не понимая, что происходитъ въ душѣ Тараса, зная, что не самъ онъ — Остапъ — выбралъ себѣ такую одежду, помня, кромѣ того, всѣ свои подвиги во время бурсацкой жизни, когда эта же одежда нисколько не стѣсняла его,—естественно скорбляется насмѣшками отца вообще и послѣднимъ его замѣчаніемъ въ особенности. Въ школьной, товарищеской жизни Остапа, какъ и въ жизни всѣхъ казаковъ, всякій протестъ обыкновенно выражался кулакомъ. Такимъ же образомъ и Остапъ собирается высказать отцу свой протестъ. Тарасъ сначала удивляется тому, что Остапъ готовъ поколотить его. „Какъ! батька!“ восклицаетъ Тарасъ. Но послѣ словъ Остапа: „Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого“, Тарасъ, можетъ быть, чувствуетъ, что дѣйствительно обидѣлъ Остапа, что въ этомъ случаѣ послѣдній, конечно, долженъ постоять за себя такъ именно, какъ онъ и думаетъ постоять, — а то какже иначе? — Тарасъ, можетъ быть, доволенъ тѣмъ, что Остапъ такъ чутокъ къ своей обидѣ, такъ горячо вступается за нее, что Остапъ никому не намѣренъ спустить оскорбленіе,—доволенъ, что видитъ въ Остапѣ самого себя,—во всякомъ случаѣ хочетъ узнать — такъ ли Остапъ храбръ, ретивъ и силенъ на дѣлѣ, какъ на словахъ, хочетъ узнать, что за казакъ, что за рыцарь Остапъ, и чего можно ожидать отъ него для вѣры и отчизны. И когда Тарасъ убѣждается, что Остапъ отлично дерется, что Остапъ „добрый будетъ казакъ“, то умиляется духомъ, потому что видитъ въ своемъ сынѣ будущаго славнаго борца того святаго

дѣла, за которое онъ самъ каждую минуту готовъ жертвовать жизнію. Поэтому же самому Тарасу досадно, что младшій сынъ не доставилъ ему такого высокаго нравственнаго удовольствія, какое доставилъ старшій. Такимъ образомъ какъ ни комична, повидимому, вся разсмотрѣнная нами сцена, въ ней, на самомъ дѣлѣ, кроется глубокій смыслъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ни представляется намъ въ этой сценѣ Тарасъ смѣшнымъ, понявъ то, что руководитъ имъ въ данномъ случаѣ, мы волею-неволею чувствуемъ къ нему симпатію и уваженіе.

За тѣмъ, Тарасъ кажется намъ жестокимъ. Онъ не трогается безпредѣльнымъ горемъ матери, отнимаетъ у нея дѣтей прежде, чѣмъ она, послѣ долгой разлуки съ ними, успѣла хорошенько поглядѣть на нихъ, полюбоваться ими, и увозитъ ихъ въ Сѣчь, увозитъ туда, откуда, очень можетъ быть, они ужъ болѣе никогда не вернутся къ ней. Но эта жестокость Тараса объясняется слѣдующимъ. Главной цѣлью всей жизни Тараса—защита православія и православныхъ христіанъ. Отсюда—жена для Тараса лишь настолько имѣетъ серьезнаго, нравственнаго значенія, насколько она мать будущихъ защитниковъ вѣры и всѣхъ кровныхъ по вѣрѣ. Можетъ ли-жъ она въ такомъ случаѣ препятствовать отъѣзду сыновей въ Сѣчь, гдѣ имъ необходимо приготовиться къ своему великому рыцарскому служенію, откуда вмѣстѣ съ тѣмъ имъ и предстоитъ отправиться на это самое служеніе? Понятное дѣло—нѣтъ! Иначе—значило бы, что побочное, неважное, второстепенное стало помѣхой главному, важному, первостепенному. Слѣдовательно—видимая жестокость Тараса неизбѣжно вызывается той высокой, святой мыслію, которая всегда господствуетъ въ его душѣ, царитъ въ его сердцѣ. Кромѣ того, рядомъ съ жестокостію Тараса въ отношеніи жены видимъ и хорошія, мягкія черты его характера. Тарасъ дѣлаетъ торжественнымъ послѣдній моментъ прощанія сыновей съ матерью: говоритъ женѣ, чтобы она благословила своихъ дѣтей, а имъ велитъ подойти къ ней и получить благословеніе. Тарасъ считаетъ для нихъ это благословеніе самымъ дорогимъ напутствіемъ и вообще чрезвычайно важнымъ, спасительнымъ. „Молитва материнская—говоритъ онъ—и на водѣ, и на землѣ спасаетъ". Тарасъ—желѣзный, закаленный Тарасъ — смущенъ невыразимой скорбію своей жены, хотя и старается этого не показывать.

Далѣе — отношенія Тараса къ кошевому повидимому представляютъ намъ перваго далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ. Та-

расъ настаиваетъ, чтобы запорожцы погуляли во владѣніяхъ султана. Кошевой говоритъ, что этого нельзя сдѣлать, потому что казаки именемъ Православной Вѣры клялись султану жить съ нимъ въ мирѣ. Но Тарасъ не обращаетъ на это никакого вниманія. Стало быть, для Тараса ничего не значитъ — нарушить клятву, данную именемъ Православной Религіи. Мало этого! Видя, что кошевой твердо остается при своемъ, Тарасъ тайно мститъ ему и доводитъ дѣло до того, что казаки лишаютъ его сана кошеваго. Такимъ образомъ, Тарасъ ведетъ недостойную интригу противъ человѣка лишь за то, что этотъ послѣдній желаетъ свято сохранить слово, данное именемъ Христовымъ. И для какой цѣли все это дѣлается? Для того, чтобы дать Запорожцамъ возможность погулять,—не защищать угнетенныхъ христіанъ, не ратовать за правое дѣло, а только погулять. Но если глубже вникнемъ въ дѣло, то увидимъ, что и въ данномъ случаѣ Тараса оправдываетъ, Тарасомъ руководитъ та — великая, святая идея, которая управляетъ всѣми его мыслями, всѣми его чувствами, всѣми его дѣйствіями. Тарасъ совершенно справедливо признаетъ необходимымъ для молодыхъ, ни разу еще не видавшихъ войны, казаковъ—упражняться въ ратномъ искуствѣ. Но „Сѣчь — говоритъ авторъ — не любила затруднять себя военными упражненіями и терять время: юношество воспитывалось и образовывалось въ ней однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвъ“. Отсюда — подъ словомъ „погулять“ Тарасъ разумѣетъ ту военную подготовку, безъ которой не мыслимо самое служеніе казаковъ дѣлу Православія и православныхъ христіанъ. А сохранять миръ съ султаномъ, потому что клялись ему Православной Вѣрой, значитъ, по мнѣнію Тараса, наложить на себя руки, отказаться отъ первой, главной цѣли всей своей жизни, значитъ исполнить клятву, данную во имя Православія разрушать и уничтожать Православіе же. Поэтому-то Тарасъ и возражаетъ кошевому слѣдующими словами: „Такъ стало быть слѣдуетъ, чтобы пропадала даромъ казацкая сила, чтобы человѣкъ сгинулъ, какъ собака, безъ добраго дѣла, чтобы ни отчизнѣ, ни всему христіанству не было отъ него никакой пользы? Такъ на что же мы живемъ, на какого черта мы живемъ? растолкуй ты мнѣ это. Ты человѣкъ умный, тебя не даромъ выбрали въ кошевые; растолкуй мнѣ, на что мы живемъ“. Да, пожалуй, на взглядъ Тараса, клятва, которая дана султану, противузаконна не только по своимъ послѣдствіямъ, но и по самой сущности своей; она дана басурману, а по искреннему убѣжденію Тараса, „и Богъ, и Святое писаніе

велитъ бить басурмановъ". Во всякомъ случаѣ, когда Тарасъ видитъ, что кошевой остается непреклоннымъ, то считаетъ его чрезвычайно важной помѣхой къ достиженію великаго святаго дѣла и находитъ всѣ средства позволительными, лишь бы только устранить эту помѣху, лишь бы только столкнуть кошеваго и тѣмъ лишить его возможности вести все казачество по крайне гибельному пути.

Еще далѣе—мы содрагаемся, сердце наше сжимается отъ боли, отъ жалости, когда видимъ, что Тарасъ убиваетъ своего собственнаго сына, своего юнаго, но уже мощнаго орленка. Андрей преступенъ, но онъ такъ прекрасенъ, такъ полнъ геройства, мужества! Андрей преступенъ, но онъ еще такъ молодъ! Андрей преступенъ, но онъ увлекся столь бурной, столь горячей молодостью своей! Андрей преступенъ, но его унесъ неудержимый потокъ кипучихъ силъ, только что вырвавшихся на свѣтъ Божій. Сколько по всему этому Андрей заслуживаетъ снисхожденія! Какимъ же вмѣстѣ съ тѣмъ ужаснымъ, безчеловѣчнымъ, безсердечнымъ отцомъ кажется намъ Тарасъ. Но и въ этомъ случаѣ прежде, чѣмъ произнести судъ надъ Тарасомъ, обратимся опять къ той великой идеѣ, которая служитъ путеводной звѣздою всей его жизни и дѣятельности. Идея защищать Православную Вѣру и православныхъ христіанъ такъ неразлучна со всѣмъ существованіемъ Тараса, что, по его мнѣнію, жизнь внѣ служенія этой идеѣ неимѣетъ никакого значенія, никакого смысла, даже совсѣмъ не жизнь. Что же, по взгляду Тараса, остается тому, кто Богомъ и природой призванъ быть истиннымъ поборникомъ данной идеи, но кто на самомъ дѣлѣ преступнымъ образомъ измѣнилъ ей? Кромѣ мрачной смерти самаго тяжкаго преступника — ничего. Такой человѣкъ самъ себя убилъ нравственно, самъ погубилъ свою душу, — и если онъ еще медлитъ убить себя физически, если онъ еще медлитъ предать землѣ свое — въ сущности бездушное, мертвое, уже разлагающееся тѣло, то другіе обязаны сдѣлать это за него. Отсюда — измѣни самъ Тарасъ какъ нибудь идеѣ, которая играетъ такую важную роль въ его жизни, — онъ тотъ-часъ же покончилъ бы съ собою. Измѣни этой идеѣ любой казакъ, Тарасъ немедленно же обрекъ бы его на смерть. Измѣнилъ данной идеѣ собственный сынъ Тараса — Андрей — и онъ уже болѣе не долженъ, не можетъ жить. Пожалѣть Андрея, помиловать его потому, что онъ сынъ, во-первыхъ, значило бы для Тараса измѣнить идеѣ; во-вторыхъ, это и не имѣло бы, по его мнѣнію, никакого смысла. Андрей — еще жи-

вой — уже былъ въ его глазахъ трупомъ. Въ этомъ отношеніи на долю Андрея выпала та же горькая участь, выпалъ тотъ же роковой жребій, какіе выпали бы на долю всякаго другаго казака въ случаѣ измѣны его своей Православной Вѣрѣ и своимъ православнымъ братьямъ. Разница только въ томъ, что всякаго другаго казака Тарасъ, можетъ быть, не рѣшился бы убить безъ суда и расправы. Андрея же онъ убиваетъ не задумываясь, убиваетъ по рѣшенію своего собственнаго суда, считая себя совершенно въ правѣ, даже обязаннымъ это сдѣлать. „Я тебя породилъ, я тебя и убью!" — говоритъ Тарасъ Андрею. Разница только въ томъ, что всякій другой казакъ не причинилъ бы Тарасу своимъ преступленіемъ столько горя, столько мукъ, сколько причинилъ ему Андрей. Каждая нація гордится своими героями, своими великими въ томъ или другомъ отношеніи людьми. Каждая нація, наоборотъ, гнушается своими преступниками, своими извергами. Какъ же мы радуемся, какъ же мы торжествуемъ, когда тѣ или другіе герои оказываются нашими близкими, нашими кровными родными! Какъ мы, напротивъ, горюемъ, какъ мы убиты духомъ, когда тѣ или другіе преступники являются людьми одной съ нами плоти, одной съ нами крови! И эти люди тѣмъ болѣе заставляютъ насъ страдать и мучиться, чѣмъ больше они обѣщали намъ собою и чѣмъ больше мы дѣйствительно видѣли въ нихъ хорошаго и добраго. — Собираясь въ Сѣчь, Тарасъ „заранѣе тѣшилъ себя мыслію, какъ онъ явится туда съ двумя сыновьями своими и скажетъ: „Вотъ, посмотрите, какихъ я молодцевъ привелъ къ вамъ!" какъ представитъ ихъ всѣмъ старымъ, закаленымъ въ битвахъ, товарищамъ; какъ поглядитъ на первые подвиги ихъ въ ратной наукѣ..." [1]). Тарасъ дѣйствительно былъ свидѣтелемъ ихъ замѣчательныхъ подвиговъ — „Старому Тарасу любо было видѣть, какъ оба сына его были одни изъ первыхъ" [1]). Тарасъ особенно удивлялся доблестямъ Остапа, но „не разъ дивился отецъ и Андрею, видя, какъ онъ, понуждаемый однимъ только запальчивымъ увлеченіемъ, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и однимъ бѣшенымъ натискомъ своимъ производилъ такія чудеса, которымъ не могли не изумиться старые въ бояхъ. Дивился старый Тарасъ и говорилъ: „и это добрый (врагъ бы не взялъ его) вояка! не Остапъ, а добрый, добрый также вояка!" [1]).

[1]) Выраженія Гоголя.

И вдругъ этотъ добрый вояка разрушаетъ всю отцовскую гордость, всю отцовскую радость Тараса и покрываетъ его старую голову страшнымъ позоромъ. И вдругъ этотъ добрый вояка долженъ погибнуть „безславно“, пропасть постыднѣйшимъ образомъ. Гдѣ послѣ всего этого предѣлъ страданіямъ и скорби Тараса? Нѣтъ! чѣмъ осуждать Тараса за сыноубійство, скорѣе взглянемъ на то, что у него хватило нравственнаго мужества принести въ жертву своей великой, святой идеѣ даже роднаго сына — и еще какого сына! Чѣмъ обвинять Тараса въ безсердечности, въ отсутствіи отцовской любви, скорѣе пожалѣемъ о глубокомъ, неизмѣримомъ горѣ его, какъ о горѣ именно любящаго и сильно любящаго отца. Онъ, Тарасъ, безжалостно убившій сына, долго, однако, глядитъ „на бездыханный трупъ“ его. Сколько тоски, сколько печали, сколько вмѣстѣ съ тѣмъ любви въ этомъ взглядѣ! Онъ, Тарасъ, палачъ своего роднаго сына, оплакиваетъ, однако, послѣдняго самыми горькими словами: „Чѣмъ бы не казакъ? — произноситъ Тарасъ, стоя надъ своимъ убитымъ сыномъ — и станомъ высокій, и чернобровый, и лице какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою! Пропалъ! Пропалъ безславно...“ Какъ знаменательны эти слова, сколько горя выражаютъ они въ устахъ Тараса! Нѣтъ! Нѣтъ! Тарасъ любилъ своего сына, любилъ Андрея, любилъ, какъ истинный отецъ; только любовь къ идеѣ была у него сильнѣе, выше любви къ сыну. Отцовская любовь Тараса еще блистательнѣе доказывается всѣми отношеніями его къ Остапу. Нѣкоторыя изъ этихъ отношеній, менѣе важныя для нашей цѣли, мы уже видѣли. Укажемъ теперь на остальныя, болѣе важныя для этой цѣли, отношенія Тараса къ Остапу. Видя необычайное мужество, необычайное геройство Остапа, замѣчая въ немъ удивительныя способности полководца, Тарасъ съ восторгомъ говоритъ: „О, да этотъ будетъ современемъ добрый полковникъ! ей, ей, будетъ добрый полковникъ, да еще такой, что батька за поясъ заткнетъ“. Тарасъ съ гордостью выставляетъ превосходство сына надъ собою. Насколько же, стало быть, отцовская любовь выше у него всякаго самолюбія, всякой зависти! Тарасъ истинно по отцовски радуется тому, что его Остапа, младшаго изъ всѣхъ уманцевъ, послѣдніе выбрали своимъ атаманомъ и что онъ — Остапъ — со славою служитъ въ этомъ званіи. Тарасъ отъ души благодаритъ „всѣхъ уманцевъ за честь, оказанную ему“. Тарасъ съ величайшимъ самоотверженіемъ, какъ разъяренный левъ, рвется и пробивается сквозь множества непріятелей на помощь къ Остапу,

когда того, одного, разомъ окружаютъ сначала шестерю, а потомъ чуть ли не восьмеро враговъ. Съ какою болью восклицаетъ Тарасъ: „Эхъ Останъ, Останъ!“ когда видитъ, что послѣдняго уже берутъ въ плѣнъ! Какъ отчаянно рвется въ это время къ своему сыну Тарасъ, пока безпощадные ужасные удары враговъ не лишаютъ его самого сознанія. Вотъ какъ авторъ передаетъ это обстоятельство! „На Остана говоритъ онъ — уже наскочило вдругъ шестеро: но не въ добрый часъ видно наскочило: съ одного полетѣла голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьемъ въ ребро третьяго; четвертый былъ по отважнѣе, уклонился головой отъ пули, и попала въ конскую грудь горячая пуля—вздыбилъ бѣшенный конь, грянулся о землю и задавилъ подъ собою всадника. — Добре, сынку! Добре, Останъ! кричалъ Тарасъ. — Вотъ я слѣдомъ за тобою. А самъ все отбивался отъ наступавшихъ. Рубится и бьется Тарасъ, сыплетъ гостинцы тому и другому въ голову, а самъ глядитъ все впередъ на Остана, и видитъ, что уже вновь схватилось съ Останомъ мало не восьмеро разомъ. „Останъ, Останъ! не поддавайся!“ Но уже одолѣваютъ Остана; уже одинъ накинулъ ему на шею арканъ, уже вяжутъ, уже берутъ Остана. „Эхъ, Останъ, Останъ!“ кричалъ Тарасъ, пробиваясь къ нему, рубя въ капусту встрѣчныхъ и поперечныхъ. „Эхъ, Отанъ, Останъ!..“ Но какъ тяжелымъ камнемъ хватило его самого въ ту же минуту. Все закружилось и повернулось въ глазахъ его. На мигъ смѣшано сверкнули предъ нимъ головы, копья, дымъ, блескъ огня, сучья съ древесными листьями. И грохнулся онъ, какъ подрубленный дубъ, на землю. И туманъ покрылъ его очи.“ А что дѣлается съ Тарасомъ, когда черезъ двѣ недѣли онъ, весь израненный, едва приходитъ въ себя, едва озаряется сознаніемъ, когда у него чуть-чуть воскресаетъ память, когда „страшная слабость одолѣваетъ его члены“, прежде столь сильные, столь могучіе! Вотъ слова автора объ этомъ! — „А Останъ? вскричалъ вдругъ Тарасъ, понатужился приподняться и вдругъ вспомнилъ, какъ Остана схватили и связали въ глазахъ его, и что онъ теперь уже въ ляшскихъ рукахъ. И обняло горе старую голову. Сорвалъ и сдернулъ онъ всѣ перевязки ранъ своихъ: бросилъ ихъ далеко прочь. хотѣлъ громко что-то сказать — и вмѣсто того понесъ чепуху: жаръ и бредъ вновь овладѣли имъ, и понеслись безъ толку и связи безумныя рѣчи“. А какъ горюетъ, какъ сокрушается, какъ скорбитъ объ Останѣ Тарасъ потомъ, вылѣчившись, благодаря своей желѣзной

натурѣ, отъ ужасныхъ ранъ! „Напрасно, говоритъ авторъ, старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, сѣдые бандуристы, проходя по два и по три, расславляли его казацкіе подвиги,—сурово и равнодушно глядѣлъ онъ на все, и на неподвижномъ лицѣ его выступала неугасшая горесть и тихо, понуривъ голову, говорилъ онъ: „Сынъ мой, Остапъ мой!.. Тарасъ уходилъ въ луга и степи, будто бы за охотою, но зарядъ его оставался не выстрѣленнымъ; и, положивъ ружье, полный тоски садился онъ на морской берегъ. Долго сидѣлъ онъ тамъ, понуривъ голову и все говоря: „Остапъ мой, Остапъ мой!“ Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка: бѣлый усъ серебрился и слеза капала одна за другою“. Слишкомъ же велико должно быть горе, если оно вызвало слезы у такого человѣка, какъ Тарасъ. Голова Тараса оцѣнена врагами его въ двѣ тысячи червонныхъ. Стоитъ только Тарасу попасться въ руки своихъ враговъ, чтобы они, какъ бѣшенные звѣри, растерзали его. Тарасъ все это очень хорошо знаетъ. Смерть на полѣ брани не страшна Тарасу: сколько разъ въ жизни стоялъ онъ лицомъ къ лицу со смертію! Но можетъ ли быть что нибудь хуже для Тараса, чѣмъ доставить собою торжество своимъ злѣйшимъ врагамъ, дать этимъ врагамъ возможность издѣваться надъ нимъ и наконецъ умереть отъ ихъ руки? Тѣмъ не менѣе—Тарасъ рискуетъ очутиться въ такомъ ужасномъ для него положеніи, и при крайне затруднительныхъ условіяхъ отправляется въ Варшаву — въ самый центръ своихъ враговъ. Что же его такъ влечетъ сюда? Одно только желаніе „развѣдать, какъ самъ говоритъ Тарасъ, живъ ли Остапъ? въ могилѣ? или уже и въ самой могилѣ нѣтъ его?“ Одна только отдаленная, слабая, безотчетная надежда увидѣть его, если онъ еще живъ. Послѣ неудачной попытки своей увидѣться съ Остапомъ въ темницѣ, Тарасъ отправляется на площадь, гдѣ должна совершиться казнь Остапа. „Я хочу посмотрѣть, какъ его будутъ мучить“—говоритъ Тарасъ. Эти слова Тараса слишкомъ краснорѣчивы, слишкомъ понятны для всякаго, кому только знакомо святое чувство любви, чтобы ихъ еще нужно было разъяснять. А „что, спрашиваетъ авторъ, почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Что было тогда въ его сердцѣ?“ А что, спросимъ мы, происходило въ душѣ Тараса, когда онъ видѣлъ, какъ Остапу „увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланные станки; когда стали перебивать Остапу на рукахъ и ногахъ кости, — когда ужасный

хряскъ ихъ послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями“; когда надъ Остапомъ совершились еще болѣе возмутительныя звѣрства, — звѣрства, которыхъ авторъ не рѣшается даже передать, боясь „смущать читателей картиною адскихъ мукъ“. Сколько любви слышится въ словахъ Тараса: „Добре сынку, добре!“ — словахъ, два раза повторяемыхъ имъ во время казни Остапа! Вмѣстѣ съ Остапомъ казнили и другихъ запорожцевъ. Остапу „первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глядѣлъ на своихъ, поднялъ руку вверхъ и произнесъ громко: „Дай же Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова“. И вотъ въ отвѣтъ на эту рѣчь Остапа Тарасъ и сказалъ тихо: „Добре, сынку, добре!“ За тѣмъ — эти же слова Тарасъ повторяетъ, видя, что Остапъ „выноситъ терзанія и пытки, какъ исполинъ“, что Остапъ не издаетъ ни крика, ни стона, въ то время, когда надъ нимъ совершаются самыя жестокія, самыя неслыханныя звѣрства, — звѣрства, о которыхъ мы только что говорили. Слова Тараса: „Добре, сынку, добре!“ служатъ выраженіемъ не узкой, инстинктивной любви отца къ сыну, а любви высшей, нравственной, вытекающей изъ глубокаго благоговѣнія къ великой, святой идеѣ. Страшное, роковое положеніе Остапа, его ужасныя невыразимыя муки естественно должны были вырвать изъ груди Тараса болѣзненный вопль, — вопль отца о страданіяхъ и гибели сына. Но Тарасъ видитъ, что никакія муки не въ состояніи хоть сколько нибудь поколебать твердость и мужество Остапа; что всѣ ужасы, всѣ терзанія и пытки показываютъ его еще въ лучшемъ свѣтѣ, показываютъ его истиннымъ героемъ, воплотившимъ и олицетворившимъ въ себѣ идеалъ казака. И отрадное, высшее нравственное чувство заслоняетъ собою въ душѣ Тараса обыкновенное чувство отца, такъ что вмѣсто болѣзненнаго вопля и стона — изъ груди Тараса вырываются слова: „Добре, сынку, добре!“ „Но когда подвели Остапа — говоритъ авторъ — къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, казалось, какъ будто стала подаваться его сила. И повелъ онъ очами вокругъ себя. Боже! все невѣдомыя, все чужія лица! Хоть бы кто-нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти. Онъ не хотѣлъ бы слышать рыданій и сокрушенія слабой матери, или безумныхъ воплей супруги, исторгающей волосы и біющей себя въ бѣлыя груди; хотѣлъ бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, который бы разумнымъ словомъ освѣжилъ его и

утѣшилъ при кончинѣ. И упалъ онъ силою и воскликнулъ въ душевной немощи: „Батько! гдѣ ты? слышишь ли ты все?“—Слышу! раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ“. Какое краснорѣчіе изобразитъ все значеніе этого „слышу“! Какой даръ слова передастъ, сколько оно выражаетъ собою великой, самоотверженной любви?

Послѣ всего этого, слишкомъ очевидно, что больше любить дѣтей, чѣмъ любилъ Тарасъ, невозможно. Только любовь къ идеѣ была у него еще сильнѣе, еще выше. Отсюда — Андрей измѣнилъ этой идеѣ, личные интересы поставилъ выше ея, выше интересовъ всего казачества, опозорилъ въ себѣ храбраго рыцаря, славнаго казака — и Тарасъ убиваетъ его. Останъ отдаетъ жизнь свою за идею, за интересы всего казачества, прославляется какъ доблестный воинъ, какъ могучій витязь, какъ истинный казакъ — и Тарасъ съ радостію пошелъ бы за него на смерть. Отсюда — на сколько его огорчаетъ позоръ Андрея, на столько его радуетъ слава Остана. И чѣмъ прискорбнѣе для него первое, тѣмъ отраднѣе для него послѣднее. Отсюда же Тарасу еще тяжелѣе, еще горестнѣе, еще мучительнѣе видѣть страданія и гибель Остана, но вмѣстѣ съ тѣмъ Тарасъ въ самыхъ мукахъ своихъ находитъ отраду, которая и выражается въ словахъ его: „Добре, сынку, добре!“

Наконецъ Тарасъ является предъ нами страшнымъ варваромъ, ужаснымъ чудовищемъ, когда мститъ своимъ врагамъ. „Даже самимъ казакамъ, говоритъ авторъ, казалось чрезмѣрною его безпощадная свирѣпость и жестокость. Только огонь, да висѣлицу опредѣляла сѣдая голова его, и голосъ его въ войсковомъ совѣтѣ дышалъ только истребленіемъ“. Уже все огромное, ста двадцати тысячное, казацкое войско самымъ жестокимъ, самымъ страшнымъ образомъ отомстило полякамъ „за оскорбленіе вѣры предковъ“ и за посмѣяніе правъ своихъ“. Уже все казацкое войско, уступая желанію русскихъ православныхъ пастырей, въ лицѣ своихъ полковниковъ и гетмана, заключаетъ миръ съ польскимъ гетманомъ, „взявши съ него клятвенную присягу оставить на свободѣ всѣ христіанскія церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды казацкому воинству“. Одинъ только полковникъ Тарасъ Бульба не согласенъ на этотъ миръ. Одинъ только полковникъ Тарасъ еще не насытился местію. И увлекши за собою весь свой полкъ и много другихъ казаковъ, отправляется „къ католикамъ въ гости“. И гуляетъ же Тарасъ по всей Польшѣ съ своими казаками! Онъ уже „выжегъ

восемнадцать мѣстечекъ, близъ сорока костеловъ; онъ уже „доходитъ до Кракова. Много избилъ онъ всякой шляхты, разграбилъ богатѣйшіе и лучшіе замки; распечатали и поразливали по землѣ казаки вѣковые меда и вины, сохранно сберегавшіеся въ панскихъ погребахъ; изрубили и пережгли дорогія сукна, одежды и утвари, находимыя въ кладовыхъ. „Ничего не жалѣйте!“ повторялъ только Тарасъ. Не уважили казаки чернобровыхъ панянокъ, бѣлогрудыхъ, свѣтлоликихъ дѣвицъ; у самыхъ алтарей не могли спастись онѣ: зажигалъ ихъ Тарасъ вмѣстѣ съ алтарями. Не однѣ бѣлоснѣжныя руки подымались изъ огненнаго пламени къ небесамъ, сопровождаемыя жалкими криками, отъ которыхъ бы подвигнулась сама сырая земля и степная трава поникла бы отъ жалости долу. Но не внимали ничему жестокіе казаки и, поднимая копьями съ улицъ младенцевъ ихъ, кидали къ нимъ же въ пламя: „Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ!“ приговаривалъ только Тарасъ. И такіе поминки по Остапѣ справлялъ онъ въ каждомъ селеніи.“

Такимъ образомъ жестокость Тараса достигаетъ самыхъ чудовищныхъ размѣровъ. И мститъ то онъ такъ безчеловѣчно, повидимому, не за общее дѣло, не за вѣру, не за идею, а за себя, за свои личные интересы, за своего роднаго сына, за своего Остапа. Иначе—зачѣмъ же Тарасъ продолжаетъ мстить и послѣ того, какъ поляки заключили съ казаками миръ и клятвенно обѣщали неприкосновенность вѣры и правъ послѣднихъ? Иначе—зачѣмъ же Тарасъ, обращаясь къ своимъ жертвамъ, приговариваетъ: „Это вамъ поминки по Остапѣ!“

Да!...

Крайне жестоко, крайне безчеловѣчно мститъ Тарасъ полякамъ. Но развѣ мы не цѣпенѣемъ отъ ужаса, развѣ волосы наши не поднимаются дыбомъ, когда мы представляемъ себѣ тѣ адскія муки, которыя поляки причиняютъ казакамъ? Жестокости Тараса, его безчеловѣчныя дѣянія по отношенію къ полякамъ являются неизбѣжнымъ возмездіемъ.

Крайне жестоко, крайне безчеловѣчно мститъ Тарасъ полякамъ. Но онъ мститъ за все казачество, мститъ за идею, хотя казаки и заключили съ поляками миръ,—хотя поляки и поклялись не посягать больше на вѣру и права казаковъ. Проникнутый благоговѣніемъ къ вѣрѣ, любовью къ своимъ кровнымъ по вѣрѣ, Тарасъ не перестаетъ тревожиться за ненарушимость первой и за спокойствіе послѣднихъ. Искушенный горькими опытами, Тарасъ очень хорошо

понимаетъ поляковъ—и не вѣритъ имъ. Его старое сердце заранѣе чуетъ бѣду. Его прозорливый глазъ уже видитъ горе, муки и гибель тѣхъ, которые поддаются увѣреніямъ, обѣщаніямъ и клятвамъ поляковъ. И какъ онъ горюетъ, какъ онъ скорбитъ о будущемъ несчастіи своихъ товарищей! И какимъ пророческимъ духомъ вѣетъ отъ его словъ, когда онъ предсказываетъ это несчастіе! И дѣйствительно! „Недаромъ провѣщалъ Тарасъ: такъ все и сбылось, какъ онъ провѣщалъ". Тарасъ меститъ за все казачество, за идею, хотя и приговариваетъ, обращаясь къ своимъ врагамъ: это вамъ поминки по Остапѣ! „И по Андреѣ!" невольно прибавляетъ сердце Тараса: и только уста его не рѣшаются произнести эти послѣдніе слова. Но, справляя поминки по своихъ сыновьяхъ, Тарасъ въ тоже самое время меститъ за все казачество. Тарасъ вообще меститъ за все зло, которое поляки причинили казакамъ; Тарасъ въ частности меститъ за то, что въ лицѣ Андрея, а тѣмъ болѣе въ лицѣ Остапа поляки многаго, очень многаго лишили казачество. Обстоятельство же, что Андрей и Остапъ родные сыновья Тараса, только дополняетъ, или— лучше сказать—переполняетъ чашу его страданій, его мукъ, дѣлаетъ болѣе чувствительнымъ его сердечное горе, болѣе тяжелой его душевную скорбь, а вслѣдъ за тѣмъ болѣе яростной, болѣе жестокой его месть. И опять же потому, что поляки лишили его возможности оставить послѣ себя казачеству дорогое наслѣдство,— казачеству, за которое онъ всегда готовъ положить голову свою. И въ самомъ дѣлѣ! Душою всей жизни и дѣятельности Тараса, всѣхъ его помышленій служитъ идея о процвѣтаніи Православія и о благоденствіи православныхъ христіанъ. Тарасъ весь вѣкъ свой неутомимо, самоотверженно ратуетъ за эту идею. Она для него такъ дорога и свята, что онъ желалъ бы оставаться вѣчнымъ поборникомъ ея. Но неумолимое время уже унесло многіе годы Тараса, а его самого приблизило къ роковому для каждаго человѣка предѣлу. Скоро, скоро долженъ сойти Тарасъ въ могилу. Будутъ и послѣ него защищать Православіе и православныхъ христіанъ, но не онъ будетъ творить это великое и святое дѣло. Кто же его-то замѣнитъ? Но Тарасъ спокоенъ; сердце его даже не нарадуется. Онъ оставляетъ послѣ себя свою же собственную плоть и кровь: онъ оставляетъ своихъ родныхъ сыновей. Сыновья эти подаютъ самыя блестящія надежды: они уже показали себя могучими, славными витязями. Тарасъ не умретъ: онъ будетъ жить въ лицѣ своихъ дѣтей: они съ честью будутъ продолжать его священное служеніе идеѣ.

Немного воиновъ оставляетъ Тарасъ казачеству въ наслѣдство; но какъ много значатъ эти воины! Опытъ всей боевой жизни Тараса, подвиги его сыновей слишкомъ хорошо показали ему, что значитъ во время отчаянной битвы такой воинъ, какъ Андрей,—воинъ, который въ пылу самъ творитъ чудеса храбрости и который своимъ энтузіазмомъ увлекаетъ другихъ; что значитъ для войска такой вождь, какимъ уже показалъ себя Остапъ и какимъ онъ еще имѣлъ быть впослѣдствіи,—вождь, который вдохновляетъ массу, надѣляетъ ее исполинскими силами, даетъ ей свѣтъ, разумъ и направляетъ ее по вѣрному, славному пути.. И вдругъ заклятые враги Православія и Православныхъ христіанъ, заклятые враги всего, что такъ дорого и свято для Тараса, враги, нанесшіе уже столько глубокихъ ранъ его сердцу оскорбленіемъ вѣры и угнетеніемъ казачества,—враги эти вдобавокъ ко всему, лишаютъ его, Тараса, послѣдней, единственной отрады, лишаютъ его самаго дорогаго утѣшенія, самой священной радости. Чары одной изъ полекъ дѣлаютъ славнаго, доблестнаго Андрея жертвой позора и гибели. Невыразимыя звѣрства поляковъ исторгаютъ душу еще болѣе славнаго, еще болѣе доблестнаго Остапа и заставляютъ его умереть среди ужасныхъ пытокъ, страданій и мукъ. Остапъ въ это время вполнѣ прославляется; онъ выростаетъ въ колосальнаго, чуднаго героя, онъ обнаруживаетъ необычайное нравственное мужество. Но тѣмъ чувствительнѣе его потеря. Удивительно ли послѣ всего этого, что общее горе Тараса о казачествѣ окрашивается горемъ его о своихъ сыновьяхъ? Удивительно ли, что это послѣднее горе, сливаясь съ первымъ и усиливаясь имъ, въ тоже время сосредоточиваетъ его въ себѣ, является—такъ сказать—его носителемъ и выразителемъ? удивительно ли вмѣстѣ съ тѣмъ, что расплачиваясь съ поляками, Тарасъ приговариваетъ: „это вамъ поминки по Остапѣ!“ Хотя старое сердце Тараса горюетъ и объ Андреѣ, хотя старое сердце Тараса негодуетъ и за Андрея, однако Тарасъ и самому себѣ не хочетъ сознаться въ этомъ, потому что Андрей такъ опозоренъ измѣной вѣрѣ и братьямъ. Но Тарасъ говоритъ и повторяетъ, что онъ горюетъ и скорбитъ объ Остапѣ, что онъ негодуетъ и мститъ за Остапа, потому что Остапъ съ такою славою умеръ за вѣру и братьевъ.

Крайне жестоко, крайне безчеловѣчно мститъ Тарасъ полякамъ. Но онъ такъ безпредѣльно, такъ свято любитъ все то, за что мститъ—любитъ Православіе и православныхъ христіанъ. Въ этомъ

краснорѣчиво убѣдили насъ уже разсмотрѣнные факты изъ жизни и дѣятельности Тараса. Анализъ данныхъ фактовъ освѣтилъ насъ яркимъ пламенемъ самоотверженной любви Тараса къ вѣрѣ и братьямъ по вѣрѣ. Тѣмъ не менѣе, приведемъ новые факты въ доказательство этой высокой черты его, приведемъ ихъ потому, что они еще прямѣе, еще рельефнѣе обнаруживаютъ ее предъ нами, еще очевиднѣе, еще принудительнѣе убѣждаютъ насъ въ той мысли, что колоссальная жестокость Тараса относительно враговъ православія и казачества является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его колоссальной любви къ тому и другому.

Благодаря обольстительной силѣ золота, Тарасъ проникаетъ до самаго подземелья, гдѣ вмѣстѣ съ другими казаками томится его Остапъ. И двери подземелья уже готовы раскрыться предъ Тарасомъ. Еще минута—и Тарасъ увидится съ Остапомъ. Но золото ведетъ Тараса къ цѣли только потому, что онъ является подъ видомъ иностраннаго графа. Малѣйшая неосторожность со стороны Тараса—и онъ въ рукахъ враговъ, которые, злорадно издѣваясь надъ нимъ и потѣшаясь его несчастіемъ, какъ дикіе звѣри, разорвутъ его на клочки. А мы уже знаемъ, что доставить собою такое торжество полякамъ, умереть отъ ихъ руки—для Тараса хуже всѣхъ мученій на свѣтѣ, хуже всякой другой, самой страшной, самой жестокой смерти. Малѣйшая неосторожность со стороны Тараса—и онъ лишенъ возможности увидѣться съ Остапомъ. А мы уже знаемъ, что это для Тараса еще хуже, чѣмъ сдѣлаться жертвой своихъ заклятыхъ враговъ. Однако, когда гайдукъ, стоящій у дверей подземелья, собираясь открыть эти послѣднія Тарасу и низко кланяясь ему, какъ иностранному графу, называетъ казаковъ собаками, а вѣру ихъ считаетъ такою, что никто ее не уважаетъ, — Тарасъ выходитъ изъ себя и кричитъ: „Врешь ты, чортовъ сынъ! самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ! Это вашу еретическую вѣру не уважаютъ!“ Этотъ фактъ слишкомъ краснорѣчивъ самъ по себѣ, чтобы его еще нужно было разъяснять. — На совѣщаніи запорожцевъ подъ Дубномъ Тарасъ первый является краснорѣчивымъ, сильнымъ, пламеннымъ поборникомъ и выразителемъ „святаго закона товарищества,“ первый съ полной горячностью, съ полнымъ воодушевленіемъ говоритъ о томъ, что нельзя оставить плѣнныхъ товарищей въ рукахъ поляковъ. Оставить товарищей на поруганіе—для Тараса все равно, что оставить святыню на поруганіе

Тарасъ готовъ даже одинъ вступить въ борьбу за плѣнныхъ товарищей.—Атаманомъ надъ казаками, которые остались подъ Дубномъ для великаго подвига, избранъ Тарасъ, какъ найдоблестнѣйшій изъ всѣхъ. Казаки эти, разставшись съ товарищами, которые отправились преслѣдовать Татаръ, невольно задумываются, невольно впадаютъ въ уныніе. Тарасъ даетъ имъ время свыкнуться съ такимъ состояніемъ духа, „а между тѣмъ въ тишинѣ готовится разомъ и вдругъ разбудить ихъ всѣхъ, чтобы вновь и съ большею силою, чѣмъ прежде, воротилась бодрость каждому въ душу.“ Для этого Тарасъ избираетъ два средства: Во первыхъ—старое доброе вино, „которое долго лежало у него въ погребахъ. Взялъ онъ его про-запасъ, на торжественный случай, чтобы если случится великая минута и будетъ всѣмъ предстоять дѣло, достойное на передачу потомкамъ, то чтобы всякому казаку, до единаго, досталось выпить заповѣднаго вина, чтобы въ великую минуту великое чувство овладѣло бы человѣкомъ“ [1]). Во вторыхъ—приличное слово. „Зналъ Тарасъ, что какъ ни сильно само по себѣ старое доброе вино и какъ ни способно оно укрѣпить духъ человѣка, но если къ нему да присоединится еще приличное слово, то вдвое крѣпче будетъ сила и вина, и духа [2]). И вотъ, когда большая или меньшая доля „заповѣднаго вина“ уже въ рукахъ каждаго изъ казаковъ, когда каждый изъ нихъ ждетъ знака Тараса, „чтобы выпить всѣмъ разомъ,“ — Тарасъ произноситъ слѣдующее слово: „Я угощаю Васъ, паны-братья, не въ честь того, что вы сдѣлали меня своимъ атаманомъ, какъ ни велика подобная честь, не въ честь также прощанья съ нашими товарищами,—нѣтъ, въ другое время прилично то и другое; не такая теперь предъ нами минута. Предъ нами дѣло великаго поту, великой казацкой доблести! И такъ, выпьемъ, товарищи, разомъ, выпьемъ напередъ всего за святую православную вѣру: чтобы пришло накопецъ такое время, чтобы по всему свѣту разошлась и вездѣ была бы одна святая вѣра, и всѣ, сколько ни есть бусурмановъ, всѣ бы сдѣлались христіанами! Да за однимъ уже разомъ выпьемъ и за Сѣчь, чтобы долго она стояла на погибель всему бусурманству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы, одинъ другаго лучше, одинъ другого краше. Да уже

---

[1]) Слова Гоголя.

[2]) Его же.

вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, которые не постыдили товарищества и не выдали своихъ“. Такимъ образомъ мы видимъ, съ какимъ благоговѣніемъ Тарасъ относится къ предстоящей борьбѣ за плѣнныхъ товарищей, какимъ великимъ и святымъ дѣломъ онъ считаетъ эту борьбу. Отсюда же, кромѣ того, очевидно, что Тарасъ какъ нельзя лучше сознаетъ всю опасность имѣющаго быть сраженія, сознаетъ, что вступая въ бой за плѣнныхъ товарищей, онъ и казаки, которые ввѣрились ему, сами себя обрекаютъ на смерть. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что сознаніе сейчасъ сказаннаго Тарасъ предполагаетъ и въ своихъ слушателяхъ. Однако, въ тотъ самый моментъ, когда Тарасъ желаетъ оживить послѣднихъ, когда желаетъ воскресить ихъ духомъ, — онъ говоритъ имъ объ этомъ именно роковомъ для нихъ обстоятельствѣ. Стало быть, Тарасъ думаетъ, что величіе подвига, что приношеніе себя въ жертву за товарищей и должно наилучшимъ образомъ ободрять, одушевлять казаковъ. А думаетъ онъ такъ, конечно, потому, что все это въ высшей степени его самого ободряетъ, его самого одушевляетъ. Мы видимъ далѣе, какъ сильно Тарасъ разсчитываетъ пробудить могучій духъ казаковъ еще и мыслію о процвѣтаніи вѣры, Сѣчи и о той истинной славѣ, которая ихъ ожидаетъ. А разсчитываетъ онъ такъ опять же, конечно, потому, что мысль эта какъ нельзя болѣе ободряющимъ, оживляющимъ, вообще благотворнымъ образомъ дѣйствуетъ на него самого. И какъ же вѣрно судитъ Тарасъ о казакахъ по себѣ! Заключая свое слово, Тарасъ воскликнулъ: „Такъ за вѣру, панебратове, за вѣру!

—За вѣру! загомонѣли всѣ, стоявшіе въ ближнихъ рядахъ, густыми голосами. — За вѣру! подхватили дальніе и всѣ, что ни было, и старое и молодое, выпили за вѣру.

—За Сѣчь!-сказалъ Тарасъ и высоко поднялъ надъ головою руку.

—За Сѣчь отдалось густо въ переднихъ рядахъ.—За Сѣчь!— сказали тихо старые, моргнувши сѣдымъ усомъ; и встрепенувшись, какъ молодые соколы, повторили молодые: „за Сѣчь!“ И слышало далече поле, какъ поминали казаки свою Сѣчь.

—Теперь послѣдній глотокъ, товарищи, за славу и всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на свѣтѣ!

И всѣ казаки, до послѣдняго, выпили послѣдній глотокъ за славу и всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ. И долго еще

повторялось по всѣмъ рядамъ промежъ всѣми куренями: „За всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ!“ [1]).

Тарасъ такъ хорошо зналъ натуру казаковъ потому, что въ немъ жило и билось сердце всего казачества. А какъ знаменательна, какъ возвышенна рѣчь, которую Тарасъ произноситъ казакамъ предъ самымъ началомъ роковаго, великаго сраженія! Это не была рѣчь оратора, который заранѣе обдумалъ каждую мысль, каждое выраженіе, обдумалъ что и какъ сказать, чтобы произвести на слушателей желаемое дѣйствіе. Рѣчь Тараса сама, безъ всякой преднамѣренной цѣли, вырвалась изъ глубины души, изъ глубины сердца, сама вылилась вслѣдствіе избытка чувствъ, которыя хлынули оттуда неудержимымъ потокомъ; „Тарасъ сказалъ рѣчь казакамъ—говоритъ авторъ—не для того, чтобы ободрить и освѣжить ихъ—зналъ, что и безъ того крѣпки они духомъ, — а просто самому хотѣлось высказать все, что было на сердцѣ“. Поэтому рѣчь Тараса особенно драгоцѣнна для насъ: она прямо показываетъ намъ всю его душу, все его сердце. И вотъ что у него на душѣ, вотъ что у него на сердцѣ!

„Хочется мнѣ вамъ сказать, панове — говоритъ Тарасъ — что такое наше товарищество. Вы слышали отъ отцовъ и дѣдовъ, въ какой части у всѣхъ была земля наша: и грекамъ дала знать себя, и съ Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русскаго народа, свои князья, а не католическіе недовѣрки. Все взяли бусурманы, все пропало; только остались мы, сирые, да, какъ вдовица послѣ крѣпкаго мужа, сирая, также, какъ и мы, земля наша! Вотъ въ какое время подали мы, товарищи, руку на братство! вотъ на чемъ стоитъ наше товарищество! Нѣтъ узъ святѣе товарищества. Отецъ любитъ свое дитя, мать любитъ свое дитя, дитя любитъ отца и мать; но это не то, братцы: любитъ и звѣрь свое дитя! но породниться родствомъ по душѣ, а не по крови, можетъ одинъ только человѣкъ. Бывали и въ другихъ земляхъ товарищи, но такихъ, какъ въ русской землѣ, не было такихъ товарищей. Вамъ случалось не одному пропадать на чужбинѣ; видишь: и тамъ люди! также Божій человѣкъ, и разговоришься съ нимъ, какъ съ своимъ; а какъ дойдетъ до того, чтобы повѣдать сердечное слово — видишь: нѣтъ! умные люди, да не тѣ! нѣтъ, братцы, такъ любить, какъ русская

---

[1]) Слова Гоголя.

душа, любить не то, чтобы умомъ или чѣмъ другимъ, а всѣмъ чѣмъ далъ Богъ, что ни есть въ тебѣ-а!.. сказалъ Тарасъ и махнулъ рукой, и потрясъ сѣдою головою, и усомъ моргнулъ, и сказалъ: нѣтъ, такъ любить никто не можетъ! Знаю, подло завелось теперь въ землѣ нашей: думаютъ только, чтобы при нихъ были хлѣбные стоги, скирды, да конные табуны ихъ, да были бы цѣлы въ погребахъ запечатанные меды ихъ; перенимаютъ, чортъ знаетъ, какіе бусурманскіе обычаи; гнушаются языкомъ своимъ; свой съ своимъ не хочетъ говорить; свой своего продаетъ, какъ продаютъ бездушную тварь на торговомъ рынкѣ. Милость чужого короля, да и не короля, а скудную милость польскаго магната, который желтымъ чеботомъ своимъ бьетъ ихъ въ морду, дороже для нихъ всякаго братства. Но у послѣдняго подлюки, каковъ онъ ни есть, хоть весь извалялся онъ въ сажѣ и поклоничествѣ, есть и у того, братцы, крупица русскаго чувства; и проснется онъ когда нибудь, и ударится онъ, горемычный, объ полы руками; схватитъ себя за голову, проклявши громко жизнь свою, готовый муками искупить позорное дѣло. Пусть же знаютъ они всѣ, что такое значитъ въ русской землѣ товарищество. Уже если на то пошло, чтобы умирать, такъ никому-жъ изъ нихъ не доведется такъ умирать! никому, никому! не хватитъ на то мышиной натуры ихъ".

Сколько нужно человѣку, обладающему болѣе или менѣе талантомъ, упражняться въ ораторскомъ искусствѣ, чтобы рѣчь его трогала и потрясала слушателей! А между тѣмъ какъ глубоко трогаетъ, какъ сильно потрясаетъ слушателей рѣчь Тараса,—рѣчь человѣка, который всю жизнь свою провелъ въ отчаянныхъ схваткахъ, въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, и которому, слѣдовательно, было не до ораторскаго искусства, — рѣчь, произнесенная, кромѣ того, какъ мы уже видѣли выше, безъ всякаго приготовленія, безъ всякой преднамѣренной цѣли, произнесенная вслѣдствіе одной только душевной и сердечной потребности говорившаго высказаться! „Всѣхъ, кто ни стоялъ, передаетъ авторъ, разобрала сильно рѣчь Тараса, дошедъ далеко до самаго сердца; самые старѣйшіе въ рядахъ стали неподвижны, потупивъ сѣдыя головы въ землю; слеза тихо накатывалась въ старыхъ очахъ; медленно отирали они ее рукавомъ, и потомъ всѣ, какъ будто сговорились, махнули въ одно время рукою и потрясли бывалыми головами". Почему же рѣчь Тараса такъ глубоко западаетъ въ душу, въ сердце слушателей, такъ сильно дѣйствуетъ на нихъ? Потому что устами Та-

раса говоритъ сама жизнь, сама истина, сама правда. А жизнь краснорѣчива, истина сильна, правда побѣдоносна. Показавъ, какъ отозвалась рѣчь Тараса въ сердцѣ казаковъ, авторъ сейчасъ же прибавляетъ: „Знать, видно, много напомнилъ имъ старый Тарасъ знакомаго и лучшаго, что бываетъ на сердцѣ у человѣка, умудреннаго горемъ, трудомъ, удалью и невзгодьемъ жизни, или хотя и не познавшаго ихъ, но много почуявшаго молодою, жемчужною душою на вѣчную радость старцамъ-родителямъ, родившимъ ихъ".

Но вникнемъ въ содержаніе рѣчи Тараса и мы еще ближе, еще отчетливѣе увидимъ вообще тотъ свѣтъ, которымъ она озаряетъ его нравственную личность, еще ближе, еще отчетливѣе увидимъ въ частности тѣ возвышенныя мысли и чувства, которыя онъ высказываетъ здѣсь по отношенію къ товариществу. Тарасъ прежде всего указываетъ на причины, породившія это товарищество. Не корысть и не другія какія нибудь узкія цѣли, а самоотверженные, истинно-геройскіе мотивы создали его. Затѣмъ—Тарасъ говоритъ о высотѣ и святости того чувства любви, которое связываетъ между собою членовъ товарищества. По мнѣнію Тараса, товарищеская любовь выше той любви, которая существуетъ между родителями и дѣтьми. Послѣдняя можетъ быть слѣдствіемъ и кровнаго и духовнаго родства, можетъ быть слѣдствіемъ и одного только кровнаго родства. Во всякомъ случаѣ—насколько она зависитъ отъ родства по крови—она присуща и животнымъ. Первая же можетъ быть обусловлена однимъ лишь родствомъ по душѣ—и потому доступна только человѣку. Любовь къ товарищамъ, будучи важнѣе родственной любви по самому происхожденію своему, превышаетъ эту послѣднюю и по своей силѣ. Тарасъ доказалъ это самой жизнью своею. И кто не знаетъ, что людей, которые раздѣляютъ наши завѣтныя мысли, чувства и желанія, мы любимъ больше, чѣмъ родителей, женъ и дѣтей, когда тѣ во всемъ этомъ расходятся съ нами?" Далѣе — товарищество въ русской землѣ Тарасъ ставитъ гораздо выше товарищества въ другихъ земляхъ, потому что такъ любить, какъ любитъ русская душа, никто, по его мнѣнію, не можетъ. Не знаемъ, насколько всѣ согласятся въ этомъ отношеніи съ Тарасомъ, но какъ бы то ни было для насъ замѣчательны двѣ мысли, которыя онъ высказываетъ здѣсь.

Первая изъ этихъ мыслей касается общечеловѣческой любви. Высока и свята любовь къ товарищамъ, но еще выше, еще святѣе любовь ко всѣмъ людямъ, которыхъ мы любимъ не потому, что

они согласны съ нами въ главномъ и существенномъ, а потому, что въ каждомъ изъ нихъ видимъ личность, въ каждомъ изъ нихъ чтимъ и уважаемъ образъ Божій и подобіе Божіе. И если даже по всему замѣтно, что въ томъ или другомъ субъектѣ поругана личность, осквернены образъ Божій и подобіе Божіе, мы все таки любимъ этого субъекта, любимъ за ту искру божества, за ту искру человѣчества, которая еще болѣе или менѣе тлится въ его душѣ, въ его сердцѣ. И всѣми силами стараемся разжечь эту искру божества, эту искру человѣчества, чтобы воскресить, оживить и поднять въ немъ личность, очистить и возвысить въ немъ образъ Божій и подобіе Божіе. И какъ благотворна общечеловѣческая любовь для того, кто ею проникнутъ! Чѣмъ шире область, на которую простирается чисто духовная любовь человѣка, тѣмъ больше нравственнаго наслажденія доставляетъ она тому, кто обладаетъ ею. Это во первыхъ. Во вторыхъ, человѣкъ, напримѣръ, лишился родителей, жены, дѣтей,—всѣхъ родныхъ, друзей и товарищей. Если кругъ его любви ограничивался только этими существами, то потерявъ ихъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ все. Если же кромѣ нихъ любовь его обнимаетъ и всѣхъ другихъ людей, то для него еще остается цѣлый Божій міръ, гдѣ много, много дорогихъ ему существъ. И тогда, какъ въ первомъ случаѣ онъ вполнѣ несчастливъ, вполнѣ одинокъ, нѣтъ существа, относительно котораго онъ могъ бы надѣяться, что оно согрѣетъ и оживитъ его своимъ участіемъ, своей любовью, — въ послѣднемъ случаѣ и для него еще есть счастіе, и онъ еще далеко не одинокъ, всѣ люди—ему свои, и много, много между ними такихъ, отъ которыхъ онъ навѣрно можетъ ожидать, что они отвѣтятъ на его святую, искреннюю любовь. И вотъ къ этой то высшей священнѣйшей человѣческой любви болѣе или менѣе и приближается Тарасъ. Приготовляя слушателей своихъ къ выводу, что никто въ мірѣ не способенъ такъ любить, какъ русскій человѣкъ, и доказывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что товарищество русскихъ превосходитъ товарищество всѣхъ другихъ людей, Тарасъ говоритъ: „Вамъ случалось не одному по многу пропадать на чужбинѣ; видишь: и тамъ люди! также Божій человѣкъ, и разговоришься съ нимъ, какъ съ своимъ; а какъ дойдетъ до того, чтобы повѣдать сердечное слово — видишь: нѣтъ! умные люди, да не тѣ; такіе же люди, да не тѣ!“ Всѣ слова Тараса, за исключеніемъ перваго предложенія, прямо склоняютъ насъ къ той мысли, что самъ онъ, какъ старый казакъ, бывалъ

на чужбинѣ, самъ испыталъ сейчасъ высказанное имъ; ссылается же онъ на опытъ товарищей только для большей убѣдительности. Но положимъ, Тарасъ лично не извѣдалъ того, что высказываетъ въ данномъ мѣстѣ; положимъ, онъ дѣйствительно утверждаетъ лишь то, что узналъ отъ товарищей. Во всякомъ же случаѣ *утверждаетъ это*, во всякомъ случаѣ это составляетъ его искреннее убѣжденіе, и, какъ все, что ни произносилъ онъ въ своей рѣчи, само собою, невольно вытекаетъ изъ тѣхъ чувствъ, которыми переполнены его душа и сердце. Но какое другое чувство, какъ ни чувство общечеловѣческой любви, можетъ быть источникомъ тѣхъ словъ, которыми онъ и не русскихъ признаетъ людьми, и чужеземца называетъ Божіимъ человѣкомъ? Да мы имѣемъ и болѣе прямое доказательство, что общечеловѣческая любовь далеко не чужда сердцу Тараса: мы еще раньше слышали, какъ онъ въ самую торжественную минуту выражаетъ желаніе, „чтобы по всему свѣту разошлась и вездѣ была бы одна святая вѣра, *и всѣ, сколько ни есть бусурмановъ, всѣ бы сдѣлались христіанами*". Правда, слова, которыми Тарасъ признаетъ русскихъ лучшими людьми на свѣтѣ, вытекаютъ изъ его особенной любви къ нимъ. Правда— вслѣдъ за сейчасъ приведеннымъ желаніемъ Тараса мы слышали и противоположное желаніе его,—желаніе, чтобы Сѣчь долго стояла на погибель всему бусурманству;" Тарасъ даже убѣжденъ, что „и Богъ, и Святое Писаніе велитъ бить бусурмановъ". Правда— Тарасъ на самомъ дѣлѣ неслыханно жестоко, болѣе чѣмъ звѣрски, относится ко всѣмъ врагамъ Православія и казачества. Но, питая любовь ко всѣмъ людямъ, мы въ то же время совершенно естественно, совершенно логично больше и сильнѣе любимъ тѣхъ, которые ближе къ намъ въ томъ или другомъ отношеніи, такъ что кромѣ общечеловѣческаго родства, есть еще и другія звенья, которыя соединяютъ ихъ съ нами. И чѣмъ больше такихъ звеньевъ между нами и другими, тѣмъ разумѣется мы крѣпче любимъ ихъ. Слѣдовательно совершенно законно, что и Тарасъ, любя всѣхъ людей, любитъ, однако, сильнѣе русскихъ, которые болѣе другихъ близки къ нему, особенно же казаковъ, которые самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ нимъ. А что дороже Тарасу Православія, отъ котораго, онъ убѣжденъ, зависитъ спасеніе человѣка? Между тѣмъ мы уже знаемъ, что для Тараса щадить враговъ Православія и казачества—значитъ губить то и другое. Мы уже знаемъ, что, по взгляду Тараса, враги вѣры и казаковъ и не могутъ жить, не

могутъ существовать. Вѣдь, убилъ же Тарасъ Андрія, сына своего, когда тотъ оказался врагомъ вѣры и товарищей. А развѣ Тарасъ не любилъ Андрея? Мы видѣли, что Тарасъ любилъ Андрея даже въ томъ самый моментъ, когда погубилъ его молодую жизнь. Но еслибы гнѣвъ и совершенно заглушилъ въ сердцѣ Тараса отцовскую любовь, то во всякомъ случаѣ Тарасъ любилъ Андрея до того роковаго времени, когда послѣдній явился предъ нимъ измѣнникомъ Православной Вѣры и православныхъ христіанъ. И чѣмъ больше Тарасъ прежде любилъ Андрея, какъ своего родного сына, тѣмъ острѣе было впослѣдствіи его негодованіе противъ него. Точно также—Тарасъ никого не щадитъ, когда это кажется ему необходимымъ для защиты вѣры и отчизны, когда враги той и другой не дожны и не могутъ болѣе, по его мнѣнію, существовать. Но внѣ даннаго обстоятельства онъ всѣхъ любитъ, всѣмъ желаетъ счастія, всѣмъ желаетъ сдѣлаться христіанами, то есть православными христіанами,—другихъ христіанъ Тарасъ не признаетъ христіанами, желаетъ этого какъ потому, что тогда наступитъ полное господство, полное торжество Православія и православныхъ христіанъ, такъ и потому, что всѣ въ его глазахъ Божіи люди. И чѣмъ болѣе онъ ихъ считаетъ такими, тѣмъ болѣе негодуетъ на нихъ, когда они являются врагами святой вѣры и сыновъ ея. И такъ—Тарасъ любитъ всѣхъ людей. Только Православная вѣра ему дороже всего, потому что она одна даетъ спасеніе человѣку; только казаки для него милѣе всѣхъ, потому что никто такъ не связанъ съ нимъ, какъ они. И вотъ—когда приходится выбирать между гибелью Православія и казачества и гибелью враговъ ихъ, Тарасъ, понятно, заботится о спасеніи первыхъ, жертвуя послѣдними, которые, какъ такіе, лишены, по его искреннему убѣжденію, права и возможности существовать.

Второй выдающейся мыслію Тараса въ разсматриваемомъ мѣстѣ его рѣчи служитъ указаніе истиннаго чувства любви. Такое чувство любви бываетъ, по его мнѣнію, тогда, когда любишь „не то чтобъ умомъ или чѣмъ другимъ, а всѣмъ, чѣмъ далъ Богъ, что ни есть въ тебѣ“. Какое глубокое, какое вѣрное пониманіе человѣческой души, человѣческаго сердца! Многіе любятъ другихъ лишь потому, что сознаютъ необходимость и пользу взаимной человѣческой любви, любятъ именно только умомъ. Но есть и такіе, которые любятъ своихъ ближнихъ потому, что сами живутъ, дышутъ и наслаждаются этимъ, что все существо ихъ наполнено

любовью, любятъ, по выраженію Тараса, „всѣмъ, чѣмъ далъ Богъ...“ Какъ безжизненна, какъ холодна, какъ поддѣльна любовь первыхъ и какъ, напротивъ, животворна, горяча, естественна любовь послѣднихъ! Для подтвержденія этого достаточно взять одинъ только примѣръ. Предъ нами нищій, въ рубищѣ, покрытый ужасными язвами. Кромѣ бѣдности, кромѣ физическихъ страданій, этотъ несчастный испытываетъ еще и нравственныя муки. Всякій человѣкъ, по самой природѣ своей, жаждетъ живого общенія съ другими людьми. Между тѣмъ—какъ сильно отталкиваетъ насъ могучій инстинктъ жизни и здоровья отъ такихъ больныхъ, какъ нашъ нищій! И потому онъ скорбитъ духомъ, что внушаетъ собою людямъ отвращеніе. Его такъ и преслѣдуетъ мысль, что имъ гнушаются, какъ заразой. Является одинъ изъ тѣхъ, которые любятъ только умомъ. Онъ щедро надѣляетъ нищаго, заботится о мѣрахъ къ облегченію его ранъ. Но страдалецъ невольно чувствуетъ, что ему брошена подачка чужимъ, а не оказана помощь братомъ, чувствуетъ, что благодѣтель не болѣетъ, однако, о немъ душою и сердцемъ, какъ о своемъ товарищѣ, какъ о подобномъ себѣ человѣкѣ, а скорѣе брезгаетъ имъ, какъ существомъ жалкимъ, отвратительнымъ, какъ существомъ, обреченнымъ судьбою омерзѣнію со стороны людей, хотя и старается все это скрыть добрымъ участіемъ въ его тяжеломъ положеніи. Облегчено ли душевное горе бѣдняка? Очевидно нѣтъ! Но вотъ приходитъ одинъ изъ тѣхъ, которые любятъ „всѣмъ, чѣмъ далъ Богъ“. Онъ, можетъ быть, въ матеріальномъ отношеніи и не такъ значительно помогаетъ нищему, какъ первый. Но за то какъ онъ утѣшаетъ его нравственно! Чуткій къ малѣйшему утѣшенію, къ малѣйшей отрадѣ, злосчастный горемыка слишкомъ хорошо чувствуетъ, что ему протягиваетъ руку помощи близкій человѣкъ, что этотъ послѣдній всей душою, всѣмъ сердцемъ отзывается на его страданія и муки и заботится о немъ, какъ о членѣ своей родной семьи. Несчастный видитъ, что онъ не совсѣмъ еще отверженное существо, что еще и для него есть мѣсто среди людского общества, что онъ еще живой членъ его. Легче и свѣтлѣе становится у страдальца на душѣ, а это само собою благотворно вліяетъ и на состояніе его тѣла. Мы убѣждены, что Спаситель, помимо своей божественной силы, значительно облегчалъ горькую участь прокаженныхъ и имъ подобныхъ несчастныхъ той безпредѣльной любовью, которая поднимала ихъ, презрѣнныхъ, изъ праха и ста-

вила рядомъ съ первымъ, лучшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Слѣдовательно—Тарасъ, какъ нельзя вѣрнѣе, какъ нельзя лучше понимаетъ истинную человѣческую любовь. Но онъ такъ хорошо понимаетъ эту любовь потому, что самъ чувствуетъ ее, что самъ живетъ и дышетъ ею. Онъ даже такъ глубоко, такъ сильно чувствуетъ ее, что волненіе мѣшаетъ ему говорить, что у него нехватаетъ словъ для изображенія ея, что слова замѣняются невольными, но слишкомъ выразительными жестами. „А!.. произнесъ только Тарасъ, когда сильное волненіе прервало его рѣчь— и махнулъ рукой, и потрясъ сѣдою головою, и усомъ моргнулъ".

Еще далѣе—послѣ того, какъ чувство любви достигаетъ въ душѣ Тараса высшей степени напряженности, у него естественно вырывается сильное негодованіе противъ тѣхъ, которые изъ-за ничтожныхъ матеріальныхъ разсчетовъ измѣняютъ этому высокому, святому чувству, продаютъ своихъ же братьевъ—православныхъ христіанъ—и унижаются, раболѣпствуютъ предъ ихъ врагами. Однако, совершенно ли угасаетъ въ душѣ этихъ предателей то чувство, которому они такъ постыдно измѣняютъ? На данный вопросъ Тарасъ отвѣчаетъ намъ слѣдующими словами: „Но у послѣдняго падлюки, каковъ онъ ни есть, хоть весь извалялся онъ въ сажѣ и въ поклонничествѣ, есть и у того, братцы, крупица русскаго чувства; и проснется онъ когда нибудь, и ударится онъ, горемычный, объ полы руками; схватитъ себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дѣло". Эти слова Тараса важны, прежде всего, въ томъ отношеніи, что они показываютъ, какіе глубокіе корни пустило въ его душѣ то чувство любви, о которомъ онъ говоритъ. Все существо Тараса такъ преисполнено этимъ чувствомъ, что оно не можетъ, по его мнѣнію, совершенно исчезнуть даже у послѣдняго измѣнника; одна мысль объ измѣнѣ сейчасъ сказанному чувству такъ ужасна для Тараса, что даже отчаяннаго предателя, кажется ему, должны будутъ рано или поздно встревожить, поразить и терзать угрызенія совѣсти, которыя на время были заглушены различными матеріальными интересами; горе измѣнника въ данномъ случаѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе его возвратить прежнюю душевную чистоту представляются Тарасу такими сильными, что, по его искреннему убѣжденію, несчастный готовъ самой дорогой цѣною искупить свой тяжкій грѣхъ. Но разсматриваемыя слова Тараса важны затѣмъ еще и въ другомъ отношеніи. Они

вѣрно изображаютъ внутреннее состояніе падшаго человѣка вообще. Сколько такихъ нравственныхъ уродовъ, которые, погружаясь все глубже и глубже въ омутъ порочной жизни, достигаютъ, наконецъ, самаго дна его! Сколько такихъ извергова, которые поражаютъ насъ колоссальностью своихъ преступленій! Такъ и кажется, что все божеское и человѣческое совершенно иссякло въ душѣ этихъ субъектовъ и не оставило послѣ себя ни малѣйшаго слѣда; что отсюда въ нравственномъ отношеніи они положительно являются трупами и нѣтъ имъ болѣе возврата къ жизни. Но это только такъ кажется. На самомъ же дѣлѣ и у нихъ еще подъ грудой пороковъ и преступленій таится хоть маленькая искорка божества, хоть маленькая искорка человѣчества. И можно проникнуть до этихъ искоркъ, можно ихъ раскрыть, раздуть, разжечь. И тогда омраченные тьмою снова озарятся свѣтомъ, павшіе возстанутъ, мертвые воскреснутъ. Но само собою разумѣется, для этого необходима слишкомъ искусная рука, нуженъ своего рода чудотворецъ. Такимъ чудотворцемъ является лишь тотъ, кто глубоко понимаетъ человѣческую природу, кто способенъ читать въ душѣ, въ сердцѣ другихъ людей, и кто ближняго своего дѣйствительно любитъ, какъ самого себя. Пока бѣшенныя страсти и неумолимыя житейскія нужды разжигаютъ человѣка, порабощаютъ въ немъ все лучшее и съ ужасною силою толкаютъ его въ бездну преступной, порочной жизни, до тѣхъ поръ онъ остается глухъ къ голосу совѣсти, къ ея протестамъ и укорамъ. Но коль скоро страсти и нужды эти удовлетворены, человѣкъ, побѣжденный ими, ужасается голоса своей совѣсти и дѣлается безотвѣтной жертвой ея грозныхъ и правдивыхъ обличеній, ея всегдашнихъ и острыхъ уколовъ, ея постоянныхъ и глубокихъ угрызеній. Народная мудрость, добытая вѣками, порожденная горькими, печальными, но поучительными опытами, говоритъ: „Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ“. Люди часто не хранятъ того или другого блага, того или другого сокровища, посланнаго имъ судьбою, и потому теряютъ, лишаются его; но въ это именно время они понимаютъ всю цѣну потеряннаго блага, потеряннаго счастія, даже считаютъ его выше, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, и горько плачутъ, сокрушаются о потерѣ его. Люди часто не хранятъ и самаго лучшаго блага, самаго лучшаго сокровища—не хранятъ чистоты души; но, лишившись этого блага, этого сокровища, они видятъ всю важность его—важность, которая такъ колоссальна,

что никогда не можетъ быть преувеличена,—и въ высшей степени горюютъ, мучатся, плачутъ о своей тяжелой, чувствительной потерѣ, о своемъ позорномъ, низкомъ паденіи. Всѣми силами желаетъ человѣкъ возвратить потерянное благо, потерянное счастіе: всѣми силами желаетъ человѣкъ возвратить чистоту и невинность своей души. Но какъ часто горькое, мучительное сознаніе грѣха, подобно кошемару, давитъ, сковываетъ его и отнимаетъ у него энергію исправиться! Какъ часто его страшитъ, гнететъ мысль о томъ, что совершонное имъ преступленіе выбросило его изъ человѣческаго общества, исключило изъ списка людей, наложило на него клеймо отверженія и совершенно отрѣзало ему путь къ прежней честной жизни! Какъ часто поэтому овладѣваетъ имъ полное отчаяніе, вслѣдствіе котораго онъ еще стремительнѣе летитъ въ пропасть, думая такимъ образомъ заглушить страшныя угрозы совѣсти, неумолкаемые вопли и стоны больной, измученной души! Вотъ тутъ-то и нужна умѣлая рука, которая бы поддержала его, тутъ-то и нуженъ особенный человѣкъ, который бы подалъ ему помощь и спасъ его. Есть пастыри, которые, желая спасти своихъ пасомыхъ отъ гибели, стараются какъ можно болѣе яркими красками изобразить весь ужасъ ихъ паденія, страшными словами изрекаютъ имъ гнѣвъ Божій, пугаютъ ихъ адомъ, вѣчными мученіями и проч. Но какъ смѣшны, какъ опасны такіе духовные врачи! Они силятся вызвать въ душѣ преступника угрызенія совѣсти, но, Боже мой! эти угрызенія совѣсти, и такъ уже пожираютъ его *). Они являются грозными обличителями, какъ будто сами совершенно чисты отъ грѣха. Они, посланники Бога, полнаго любви и милосердія, говорятъ о страшной, безжалостной карѣ, о вѣчныхъ, безпредѣльныхъ мукахъ. Они, призванные лѣчить душевныя раны, еще болѣе растравляютъ ихъ. Они, явившіеся поднять падшаго, окончательно добиваютъ его. Избави насъ Богъ отъ такихъ помощниковъ,

*) Мы не касаемся тѣхъ преступниковъ, которые, увлекшись ложными и вредными теоріями, не только не видятъ своей вины, но еще считаютъ себя борцами за великую идею. Не касаемся мы и тѣхъ преступниковъ, которые являются такими по невѣдѣнію: Въ томъ и другомъ случаѣ необходимо, разумѣется, какъ можно яснѣе раскрыть заблужденіе и какъ можно ярче, живѣе представить всю опасность его. Но и тутъ, вслѣдъ за обличеніями, необходимо еще ободрить заблудшихся словами милосердія и любви, подать имъ отеческую, братскую руку и вывести ихъ на истинный путь.

руководителей и спасителей! Истинными помощниками, истинными руководителями и спасителями служатъ тѣ пастыри, которые являются къ падшему не какъ высшій къ низшему, какъ судья къ подсудимому, какъ праведникъ къ грѣшнику, а какъ равный къ равному и при томъ какъ братъ къ брату; которые не мучатъ, не терзаютъ его безпощадными, неумолимыми доказательствами, что онъ тяжелый преступникъ, а успокаиваютъ его, вливаютъ въ душу его отраду добрымъ, сердечнымъ увѣреніемъ, что онъ можетъ исправиться; которые не убиваютъ въ немъ послѣднія, еще оставшіяся силы ужасной, мрачной рѣчью о гнѣвѣ Божіемъ и вѣчныхъ мукахъ, а возвращаютъ ему уже потерянныя хорошими, свѣтлыми словами о безпредѣльномъ милосердіи и безконечной любви Творца; которые, однимъ словомъ, не умерщвляютъ въ немъ еще живое, а воскрешаютъ уже умершее...

Но возвратимся къ рѣчи Тараса. Наконецъ отъ низкаго, жалкаго положенія тѣхъ, которые измѣняли своимъ братьямъ—православнымъ христіанамъ, Тарасъ, по ассоціаціи контраста, переходитъ къ высокой, завидной участи, которая сейчасъ же ожидаетъ его и ввѣрившихся ему казаковъ; возбуждается до энтузіазма мыслію, что товарищество русскихъ прославится предъ всѣми; одушевляетъ этой мыслію самого себя, одушевляетъ ею и своихъ слушателей—одушевляетъ къ великому священнодѣйствію, къ великому жертвоприношенію, къ принятію мученической кончины за товарищей.

Замолкла рѣчь Тараса, но такъ и чуется, такъ и представляется, что и послѣ этого еще продолжаютъ бурлить и клокотать въ его мощной груди чувства, которыя выражены ею, — подобно тому, какъ и послѣ бури еще реветъ и шумитъ взволнованное море, — подобно тому, какъ послѣ разразившихся надъ нами ударовъ грома еще грохочутъ болѣе или менѣе отдаленные раскаты его.

Насъ могутъ спросить: естественна ли, правдоподобна ли такая возвышенная, такая гуманная рѣчь въ устахъ Тараса, который родился, выросъ, жилъ и дѣйствовалъ въ грубой, невѣжественной средѣ; который „весь созданъ былъ для бранной тревоги"; который всю жизнь свою совершенно отдавался военному дѣлу и провелъ въ кровавыхъ бояхъ; который, слѣдовательно, не могъ путемъ науки, путемъ образованія подняться до самыхъ свѣтлыхъ, до самыхъ священныхъ идей? Но, во-первыхъ, развѣ исто-

рія всего человѣчества не показываетъ намъ, какъ часто люди, могучіе духомъ, хотя и чуждые науки и образованія, являются гигантами по тѣмъ идеямъ, которыя они проповѣдуютъ и которыя они осуществляютъ своими дѣлами? Этихъ людей учитъ, образуетъ сама жизнь, которая служитъ источникомъ всякаго знанія, которая создаетъ науку, искусства и проч. Слѣдовательно—жизнь могла воспитать и озарить свѣтомъ самыхъ лучшихъ идей и могучаго духомъ Тараса. Во-вторыхъ, великія истины жизни, правда, такъ обширны, такъ возвышены и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ глубоки, что научно разсмотрѣть ихъ со всѣхъ сторонъ, исчерпать до дна можетъ развѣ только знаменитый философъ, — но въ то же время онѣ такъ сродны натурѣ людей, такъ понятны ихъ уму и сердцу, такъ просты и очевидны, что сами по себѣ, безъ анализа, въ своемъ ближайшемъ и непосредственномъ проявленіи, доступны и необразованному человѣку; подобно тому, какъ сдѣлать отчетливую, вѣрную и полную характеристику извѣстнаго героя въ состояніи развѣ только замѣчательный психологъ и мыслитель, — однако и невѣжественная толпа узнаетъ этого героя и поклоняется ему, Какимъ неизчерпаемымъ источникомъ служатъ изреченія Спасителя, истины Евангелія для самыхъ возвышенныхъ философскихъ ученій! А между тѣмъ и простые, необразованные люди умиляются духомъ, слушая эти изреченія,—и простые, необразованные люди чувствуютъ и понимаютъ, что говорятъ эти истины. Идеи Тарасовой рѣчи принадлежатъ къ великимъ истинамъ жизни, къ великимъ истинамъ Евангелія. Стало быть — совершенно возможно, что Тарасъ сувствовалъ сердцемъ и понималъ умомъ эти идеи въ ихъ простомъ видѣ.

Главная мысль Тарасовой рѣчи состоитъ въ томъ, что для товарищества, святѣе котораго нѣтъ узъ, нужно жертвовать всѣмъ, даже собственной жизнію своею. Эту мысль самъ же Тарасъ и доказалъ на дѣлѣ. Онъ всѣ личныя дѣла свои бросаетъ для товарищества; изъ за товарищества оставляетъ жену, отнимаетъ у нея сыновей, не смотря на все ея горе, на все ея муки и страданія; изъ за товарищества убиваетъ роднаго сына — Андрея; въ самомъ Остапѣ сынъ поглощается у него истиннымъ казакомъ, какъ вѣрнымъ и доблестнымъ слугою товарищества. Но гдѣ же онъ жертвуетъ для товарищества самимъ собою? Нужно ли для этого лучшее доказательство, чѣмъ то великое, священное сраженіе подъ Дубномъ, къ которому Тарасъ готовился, какъ къ смерти,

за товарищей, и въ которомъ онъ бился съ величайшимъ самоотверженіемъ? Очевидно — нѣтъ. Тѣмъ не менѣе представимъ еще такое доказательство, предъ которымъ сей часъ указанное блѣднѣетъ. Какъ подъ Дубномъ ни изрубили Тараса враги его, однако, благодаря своей желѣзной натурѣ, онъ, проболѣвъ около двухъ мѣсяцевъ, остался живъ и здоровъ. Судьба еще берегла этого великаго, симпатичнаго, хотя въ то же время и ужаснаго, героя. Ему предстояло еще доказать свою высокую, самоотверженную любовь къ Остапу. Ему предстояло еще играть очень важную роль въ той священной войнѣ, когда „поднялась вся нація, ибо переполнилось терпѣніе, — поднялась отомстить за посмѣяніе правъ своихъ, за позорное униженіе своихъ нравовъ, за оскорбленіе вѣры предковъ и святаго обычая, за посрамленіе церквей, за безчинства чужеземныхъ пановъ, за угнетенье, за унію, за позорное владычество жидовства на христіанской землѣ, за все, что копило и сугубило съ давнихъ временъ суровую ненависть казаковъ“ [1]). Тарасу предстояло еще продолжать съ своимъ полкомъ и многими другими казаками эту месть послѣ того, какъ все остальное огромное войско казацкое заключило съ поляками миръ. Еще много ужасныхъ подвиговъ предстояло въ это время Тарасу совершить, еще длинный кровавый путь предстояло ему проложить теперь въ Польшѣ. И только послѣ всего этого наступилъ его конецъ,— но такой славный конецъ! Пять вражескихъ полковъ неутомимо преслѣдуютъ Тараса съ его казаками, кока не настигаютъ ихъ. Истинно геройски защищаются казаки. Отчаянно пробиваются они сквозь непріятельскіе ряды. Уже близко ихъ спасеніе, ихъ торжество. Но Тарасъ и тутъ остается Тарасомъ; его чудная натура и тутъ проявляетъ себя, и тутъ освѣщаетъ себя. Въ то самое время, какъ быстрые кони казаковъ уже готовы совершенно умчать ихъ отъ враговъ, Тарасъ вдругъ останавливается и кричитъ: „Стой! выпала люлька съ табакомъ; не хочу. чтобы и люлька досталась вражьимъ ляхамъ!“ Тарасъ, по всей вѣроятности, остановился бы и тогда, если бы замѣтилъ, что люлька выпала у другаго казака. Тарасъ такъ любитъ казаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все принадлежащее имъ, такъ, поэтому, ненавидитъ ничего враждебнаго для нихъ, такъ вдобавокъ прямъ и упрямъ характеромъ, что даже въ самую опасную минуту ни коимъ образомъ

---

[1]) Слова Гоголя.

не можетъ допустить, чтобы какая нибудь вещь казака попала въ руки его враговъ, тѣмъ болѣе такая вещь, какъ люлька, которая служитъ „неотлучной спутницей казака на моряхъ и на сушѣ, и въ походахъ, и дома“. И Тарасъ, нагнувшись, отыскиваетъ „въ травѣ свою люльку съ табакомъ“. Вотъ этимъ то временемъ набѣгаетъ цѣлая ватага и схватываетъ его. Страшную, страшную казнь опредѣлили Тарасу его враги. Они присудили „сжечь его живого въ виду всѣхъ. Тутъ же стояло голое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу, гвоздемъ прибивши ему руки и приподнявъ его повыше, чтобы отовсюду былъ видѣнъ казакъ, и принялись тутъ же раскладывать подъ деревомъ костеръ!“ Но не даромъ проливается кровь человѣка, особенно такого человѣка, какъ Тарасъ. Смерть Тараса является апогеемъ его бытія, его любви къ товарищамъ, его славы; показываетъ, какъ ограниченный, смертный плотью бываетъ всемогущъ, безсмертенъ духомъ; показываетъ, что можно измучить, истерзать человѣка, лишить его свѣта жизни, но нельзя заставить его отказаться отъ своего *я*, нельзя лишить его внутренняго, нравственнаго свѣта, нельзя лишить его нравственнаго величія, нравственнаго героизма,—что въ то самое время, какъ онъ мученически умираетъ за свои великія идеи, эти послѣднія болѣе всего прославляются, остаются жить до скончанія вѣковъ и дѣлаются драгоцѣннѣйшимъ наслѣдствомъ всѣхъ грядущихъ поколѣній. Тарасъ умираетъ за великую идею — умираетъ за вѣру и братьевъ своихъ по вѣрѣ. Мало этого! Въ тотъ самый моментъ, когда уже начинаются страшныя муки насильственной смерти, — Тарасъ не думаетъ объ этихъ мукахъ, объ этой смерти, а весь поглощенъ одной мыслію, одной тревогой, однимъ безпокойствомъ—спасутся-ли его товарищи, которые еще не попали, подобно ему, въ руки врага; напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы въ послѣдній разъ, если не дѣломъ, то хоть словомъ послужить имъ; прикованный, пригвожденный подаетъ имъ съ ужасной высоты хорошіе, разумные совѣты, приходитъ въ отчаяніе, полагая, что гибель ихъ неизбѣжна, и радуется, видя возможное для нихъ спасеніе. „Не на костеръ,—говоритъ авторъ,—глядѣлъ Тарасъ, не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались сжечь его,—глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки,—ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. „Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе“, кричалъ онъ, „горку,

что за лѣсомъ: туда не подступятъ они!“ Но вѣтеръ не донесъ его словъ. „Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что!“ говоритъ онъ отчаянно и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника четыре кормы, собралъ всю силу голоса и зычно закричалъ: къ берегу! къ берегу! хлопцы! спускайтесь подгорной дорожкой, что на-лѣво. У берега стоятъ челны, всѣ забирайте, чтобы не было погони. Вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны казаками“. И этого мало! За свой, спасительный для казаковъ, совѣтъ Тарасъ получилъ такой ударъ обухомъ по головѣ, „который переворотилъ все въ глазахъ его“. Какъ ни велико нравственное мужество Тараса, какъ ни сильна любовь его къ товарищамъ, какъ ни поражаютъ насъ сейчасъ разсмотрѣнные подвиги его,—однако мы полагаемъ, что, очнувшись отъ удара, онъ прежде всего долженъ ощущать боль, которая, разумѣется, слишкомъ чувствительна, долженъ быть занятъ только ею и больше ничѣмъ; что на этотъ разъ ужъ непремѣнно оставитъ его бодрость духа и уступитъ свое мѣсто немощамъ и страданіямъ плоти. На самомъ же дѣлѣ не такъ. Когда Тарасъ очнулся, онъ, какъ будто ничего особеннаго съ нимъ лично не случилось, думаетъ только о товарищахъ, устремляетъ взоры только туда, гдѣ они находятся, и видя ихъ уже спасенными, озаряется радостью... Уже большое разстояніе отдѣляетъ его отъ товарищей. Но онъ все-таки кричитъ имъ въ верху: „Прощайте, товарищи! вспоминайте меня!..“ Такъ онъ рвется къ нимъ душою и сердцемъ. „Уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ ноги Тараса и разостлался пламенемъ по дереву“. Но онъ среди огня, среди пламени, въ когтяхъ смерти говоритъ о торжествѣ казаковъ, предсказываетъ великое будущее русской православной вѣры и русскаго православнаго народа,—говоритъ о томъ, чѣмъ жилъ, дышалъ и за что умираетъ,—о томъ, что составляетъ единственную отраду, единственное утѣшеніе въ послѣднія тяжелыя минуты его жизни,—предсказываетъ то, что служило идеаломъ всѣхъ его желаній и конечной цѣлью всѣхъ его дѣйствій,—то, чего только и жаждетъ душа его въ торжественный, священный моментъ разлуки ея съ тѣломъ.

Гдѣ найти слова, которыми бы можно было достаточно оцѣнить все величіе подвиговъ Тараса, все геройство его духа, всю силу, всю святость его любви? Мы воспользуемся только подлин-

ными словами Тараса. „Что взяли?“ спросилъ онъ у поляковъ, видя, что казаки, благодаря его совѣту и своей собственной неслыханной удали, вырвались почти изъ рукъ враговъ, которые были несравненно больше ихъ числомъ. „Что взяли?“ спросимъ и мы поляковъ вслѣдъ за Тарасомъ, имѣя въ виду исключительно его самого. Они лишили его возможности пальцемъ шевельнуть, сдѣлали его добычею смерти, бросили уже въ пасть ея, она уже терзала и пожирала его; а онъ все-таки еще продолжалъ служить тому, чему служилъ всю жизнь, бороться за ту идею, за которую боролся всю жизнь, спасать тѣхъ, которыхъ спасалъ всю жизнь. Они приковали, пригвоздили его къ дереву высоко, съ тою цѣлью, чтобы отвсюду были видны, какъ имъ думалось, ихъ торжество и его позоръ; но этимъ они дали ему возможность спасти жизнь товарищей даже тогда, когда самъ онъ разставался съ жизнью, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствовали ему подняться на поразительную высоту нравственнаго могущества, нравственнаго совершенства,— подняться на вершину славы. Они казнили его, какъ злѣйшаго изъ преступниковъ, но онъ умеръ, какъ великій страдалецъ за святую идею, которая вѣчно будетъ озарять міръ своимъ животворнымъ свѣтомъ. Они лишили его жизни плоти, но онъ въ это же самое время увѣнчался безсмертіемъ духа.

Вотъ каковъ Тарасъ, который, подобно фокусу, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ существенные признаки запорожскихъ казаковъ, въ которомъ какъ хорошія, такъ и дурныя черты послѣднихъ достигаютъ высшей степени своего развитія, который является душою и сердцемъ запорожцевъ, который служитъ живымъ носителемъ и выразителемъ идеи автора о запорожскомъ казачествѣ.

Анализъ жизни и дѣятельности Тараса, раскрывъ значеніе послѣдняго, какъ совершеннѣйшаго типа запорожцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ и всю естественность, все правдоподобіе его. Но жизнь и дѣятельность всякаго человѣка проявляется среди природы и людей. Отсюда, воплощая идею свою въ извѣстномъ лицѣ, поэтъ-художникъ изображаетъ такія или иныя отношенія даннаго лица къ природѣ и людямъ, съ тѣмъ, чтобы показать его характеръ въ наглядныхъ примѣрахъ, поступкахъ и дѣйствіяхъ, чтобы представить его вполнѣ реальнымъ, живымъ. Все же это можетъ быть достигнуто лишь въ томъ случаѣ, когда естественность и правдоподобіе явятся отличительнымъ свойствомъ не только самого лица, воплощающаго идею автора, но и тѣхъ подробностей,

и тѣхъ лицъ, которыми оно обставляется. А если такъ, то и намъ слѣдуетъ еще показать, что всѣ подробности, всѣ лица, которыми обставленъ Тарасъ, не менѣе естественны и правдоподобны, чѣмъ онъ самъ. Но что касается описанія украинской природы, Сѣчи, что касается характеристики польскаго и запорожскаго войска, то для всякаго, кто только знакомъ съ географіей и исторіей, слишкомъ ясно, какую дѣйствительность представилъ здѣсь Гоголь въ поэтическомъ образѣ. Остается только разсмотрѣть лица, которыми окруженъ Тарасъ. Но одни изъ этихъ лицъ, а именно— принадлежащіе казацкой средѣ, достаточно уже освѣщаются всѣмъ тѣмъ, что мы говорили о запорожскомъ казачествѣ вообще и о Тарасѣ Бульбѣ, какъ типѣ запорожскихъ казаковъ, въ частности. Кто, прослѣдивъ вмѣстѣ съ нами все это, не узнаетъ, напримѣръ, въ Мосіи Шилѣ, Кукубенкѣ, Бовдюгѣ, Остапѣ и другихъ сыновъ Сѣчи, членовъ запорожской общины, запорожской семьи? Кто, кромѣ того, не узнаетъ въ Кукубенкѣ прекраснѣйшаго изъ сыновъ этой Сѣчи, лучшаго изъ членовъ этой общины, этой семьи? Кто не узнаетъ въ Бовдюгѣ казака, умудреннаго, просвѣтленнаго многолѣтней тяжелой жизнію для ближняго, долгой, кровавой борьбой за вѣру и товарищей? Кто не узнаетъ въ Остапѣ достойнѣйшаго потомка Тараса? Другія изъ лицъ, окружающихъ Тараса, какъ жиды и поляки, сами по себѣ являются слишкомъ старыми, слишкомъ обыкновенными знакомыми, чтобы еще нужно было доказывать возможность ихъ существованія. Кому, напримѣръ, не знакома жалкая личность Янкеля? Нѣтъ даже нужды встрѣчаться съ нимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, при которыхъ онъ представляется въ повѣсти. Достаточно видѣть его въ тюрьмѣ, гдѣ онъ является вмѣстѣ съ Тарасомъ. И здѣсь можно ограничиться однимъ лишь моментомъ, тѣмъ именно моментомъ, когда Тарасъ, выбранивъ гайдука за его оскорбительныя для казаковъ и ихъ вѣры слова, лишается возможности видѣть Остапа, и только благодаря ста червонцамъ, которыми Янкель подкупаетъ стража, послѣдній не выдаетъ ихъ головою, а прогоняетъ отъ себя прочь. Всякій, мысленно созерцающій данную сцену, увлекаясь сначала комизмомъ ея, вслѣдъ затѣмъ невольно проникается жалостью къ несчастному отцу, который столько жертвовалъ собою, столько рисковалъ, чтобы послѣдній разъ въ жизни увидѣть своего дорогаго сына, и все-таки не достигъ этой завѣтной цѣли своей. Янкель же едва замѣчаетъ отцовское горе, едва трогается этимъ

горемъ. Онъ главнымъ образомъ сокрушается о ста червонцахъ, которые такъ легко достались гайдуку. „Охъ вей миръ — восклицаетъ Янкель — какое счастіе посылаетъ Богъ людямъ! Сто червонцевъ за то только, что прогналъ насъ! А нашъ братъ: ему и пейсики оборвутъ, и изъ морды сдѣлаютъ такое, что и глядѣть не можно, а никто не дастъ ста червонныхъ. О Боже мой! Боже милосердый“ *).

Въ этомъ одномъ видѣнъ весь Янкель, въ этомъ одномъ слышится вся печальная исторія его существованія. А гайдукъ, напримѣръ, развѣ намъ не знакомъ? Развѣ мы не понимаемъ этого глупаго, невѣжественнаго, узкаго эгоиста, который самъ себѣ придаетъ смѣшной видъ, съ цѣлью казаться сановитымъ и представительнымъ; который грубѣйшую лесть принимаетъ за чистую правду — и отъ кого же принимаетъ? отъ презираемаго имъ жида, который раболѣпенъ и льстивъ по отношенію къ высшимъ, жестокъ и надмѣненъ относительно другихъ, особенно зависящихъ отъ него въ чемъ-нибудь, который также злоупотребляетъ своей службой, также продаженъ, какъ и его начальники? Гоголь только разъ показалъ намъ гайдука, но этотъ послѣдній стоитъ предъ нами какъ живой. Поэтъ, словно волшебникъ, однимъ взмахомъ своей чудной кисти создаетъ лица, вполнѣ вѣрныя дѣйствительности.

И такъ — ни лица, взятыя изъ казацкой среды, ни лица, взятыя изъ польской и жидовской среды, не нуждаются въ анализѣ, для выясненія ихъ жизненности и правдоподобія. А кромѣ тѣхъ и другихъ лицъ никто не окружаетъ Тараса въ повѣсти.

Только два лица составляютъ исключеніе, только два лица вызываютъ на то, чтобы о нихъ поговорить отдѣльно, хотя и они принадлежатъ къ той же казацкой средѣ.

Однимъ изъ этихъ лицъ является жена Тараса. Она является такимъ лицомъ потому, что въ сейчасъ сказанной средѣ занимаетъ особенное положеніе. Но авторъ такъ прямо, такъ ярко освѣщаетъ данную личность, ея тяжелую судьбу, ея жалкое положеніе, ея безконечную любовь къ дѣтямъ, ея безъисходное горе при разлукѣ съ ними — все это изображаетъ такими краснорѣчивыми, такими священными, такими трогательными словами, что намъ ничего лучшаго не остается, какъ только буквально пере-

*) Слова Гоголя.

дать его же собственную рѣчь о ней. Показывая, какъ больно отозвалось въ душѣ ея то, что Тарасъ рѣшилъ увезти сыновей на другой же день послѣ ихъ пріѣзда домой, авторъ выражается слѣдующимъ образомъ: „услыша о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала ей такая скорая разлука, и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ". Затѣмъ, представляя, какъ она бодрствовала и сокрушалась всю ночь наканунѣ отъѣзда сыновей, высказавъ предварительно, для того, чтобы еще больше оттѣнить ея печальное положеніе, что въ эту же ночь всѣ прочіе на хуторѣ Тараса объяты были глубокимъ, безмятежнымъ сномъ, авторъ развертываетъ предъ нами слѣдующую, въ высшей степени трогательную, въ высшей степени умилительную картину. „Одна бѣдная мать, говоритъ онъ, не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклоченныя кудри и смачивала ихъ слезами; она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ предъ собою! „Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?" говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея. Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два-три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не было слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только изъ милости; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материн-

ское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ? можетъ быть, при первой битвѣ татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежать брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: „Авось — либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ: можетъ быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ".

„Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими (обитатели хутора спали въ ту ночь на дворѣ), густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и, мало-по-малу, лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низа. Она просидѣла до свѣта, вовсе не утомилась и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше".

А какъ передаетъ авторъ прощаніе ея съ дѣтьми?! Послѣдняя надежда ея, что „авось — либо Бульба отсрочитъ денька на два отъѣздъ", не сбывается. Едва ночная тьма смѣняется утреннимъ разсвѣтомъ, а ужъ Тарасъ встаетъ и приказываетъ немедленно собираться въ дорогу. Остапъ и Андрей замѣняютъ прежнее бурсацкое платье живописнымъ казацкимъ нарядомъ. Они являются предъ матерью въ полномъ блескѣ своей мощной, свѣжей, цвѣтущей, юной красы. Это должно наполнить материнское сердце радостью, счастьемъ, гордостью. Но „бѣдная мать, слышимъ изъ устъ автора, какъ увидѣла ихъ, и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея". То, что даетъ ей блаженство, вмѣстѣ съ тѣмъ причиняетъ невыразимыя муки, невыразимыя страданія. Съ такими прекрасными, съ такими милыми сыновьями должна она разстаться,—разстаться, очень можетъ быть, на вѣки— и разстаться сейчасъ же! Вотъ ужъ Тарасъ заторопилъ своихъ дѣтей, заторопилъ и ее благословить ихъ. „Мать, говоритъ авторъ, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь...

не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ... далѣе она не могла говорить“. Можетъ-ли самое сильное, самое живое воображеніе измѣрить всю глубину той материнской любви и той материнской скорби, которыя проявляются въ этихъ немногихъ простыхъ словахъ, прерываемыхъ и заглушаемыхъ рыданіями? Какъ непродолжительна та сценка, которая сейчасъ мелькнула предъ нами! Еще менѣе продолжительной казалась она бѣдной матери, по тому времени, которое ей пришлось держать въ своихъ объятіяхъ дорогихъ сыновей. Но какой безконечной казалась эта же самая сценка несчастной матери, по тѣмъ чувствамъ, которыя послѣдняя испытала въ продолженіи ея! А что было потомъ? „Когда увидѣла мать, сообщаетъ авторъ, что уже и сыны ея (вслѣдъ за Тарасомъ) сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипла къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, со всею легкостью дикой козы, несообразно лѣтамъ, выбѣжала она за ворота, съ непостижимой силою остановила лошадь и обняла одного изъ сыновей съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностью. Ее опять увели“.

Кто послѣ всего этого не согласится съ нами, что хотя авторъ представилъ намъ жену Тараса только какъ мать, и то при одномъ лишь обстоятельствѣ ея жизни, однако тутъ же познакомилъ насъ съ нею настолько именно, насколько нужно, чтобы она способствовала собою реальному, живому представленію главнаго лица произведенія и чтобы въ ея собственномъ лицѣ изобразить типъ украинскихъ женщинъ того времени? У кого она, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отпечатлѣется глубоко въ душѣ, какъ живое, безмѣрно любящее, безмѣрно страдающее лицо? Кто равнодушно выслушаетъ всю плачевную исторію ея жизни? Кто не проникнется благоговѣніемъ къ ея святымъ материнскимъ чувствамъ? Кто не отзовется на ея горе, одинъ мигъ котораго равняется вѣчности? Чье сердце не исполнится жалости, состраданія къ ней? Кто забудетъ весь ея печальный, трогательный образъ?

Другимъ лицомъ, вызывающимъ на то, чтобы его разсмотрѣть отдѣльно, служитъ Андрей. Послѣдній вызываетъ на сейчасъ сказанное еще болѣе, и гораздо болѣе, чѣмъ то лицо, съ которымъ мы только-что покончили. Онъ легко возбуждаетъ собою

слѣдующіе вопросы: казаки, отдаваясь всецѣло кровавой борьбѣ за вѣру и товарищей, такъ пренебрегали женщиной,—мыслимо жъ-ли, чтобы среди нихъ явился казакъ, который, наоборотъ, изъ-за женщины измѣнялъ вѣрѣ и товарищамъ, и при томъ изъ-за женщины вражескаго, ненавистнаго племени? Тарасъ является лучшимъ представителемъ казаковъ, возможножъ-ли, чтобы такимъ измѣнникомъ еще оказался его сынъ? И вотъ, разсмотрѣвъ природныя черты Андрея и всѣ тѣ главныя обстоятельства, которыя вліяли на его жизнь до роковой измѣны, мы и получимъ отвѣтъ на эти вопросы.

Какъ казакъ вообще, какъ сынъ Тараса въ частности, Андрей наслѣдовалъ стремленія къ боевой жизни, жажду ратныхъ подвиговъ, ревность служить вѣрѣ и товарищамъ,—но въ то же самое время, какъ сынъ своей матери, былъ доступенъ и другимъ чувствамъ. Между тѣмъ — прежде чѣмъ предъ нимъ открылось поле для ратныхъ подвиговъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ отдаться служенію вѣрѣ и товарищамъ,—имъ овладѣло то именно чувство, котораго такъ опасались казаки, которое прирождено всѣмъ людямъ, которое такъ неизбѣжно, такъ обворожительно для каждаго человѣка, — овладѣло чувство любви къ женщинѣ. „Потребность любви, говоритъ авторъ, вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за восемнадцать лѣтъ (т.-е. еще за два года до окончанія курса въ Кіевской академіи); женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его; онъ, слушая философскіе диспуты, видѣлъ ее поминутно свѣжую, черноокую, нѣжную; передъ нимъ безпрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси, нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и безчестно думать казаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы“. Воспламенившіяся въ душѣ Андрея естественныя стремленія къ женщинѣ соотвѣтствовали всей его натурѣ, которая, какъ мы уже видѣли выше, когда говорили объ отношеніяхъ къ нему Тараса, была такая сильная, мощная и вмѣстѣ съ тѣмъ такая страстная, кипучая, увлекающаяся. Эти стремленія свои онъ долженъ былъ скрывать, какъ запрещенныя, преступныя, и потому они еще болѣе жгли его. Но какъ ни сильны были страст-

ныя движенія сердца Андрея до встрѣчи его съ той, которая имѣла для него такое роковое значеніе,—движенія эти еще сильнѣе—несравненно сильнѣе стали послѣ данной встрѣчи. Идеалъ, возникшій въ воображеніи Андрея и наполнявшій собою всѣ его мечты, соотвѣтствовалъ, конечно, тѣмъ лучшимъ красавицамъ, которыхъ ему раньше приходилось видѣть на своей прелестной родинѣ. Однако, незнакомка, которую онъ встрѣтилъ теперь, во время своихъ невольныхъ исканій идеала, была еще лучше, еще краше этого послѣдняго. „Онъ увидѣлъ, говоритъ авторъ про Андрея, такую красавицу, какой еще не видывалъ отъ роду: черноглазую и бѣлую, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца. Она смѣялась (въ то время, когда онъ увидѣлъ ее) отъ всей души, и смѣхъ придавалъ сверкающую силу ея ослѣпительной красотѣ“. А если такъ, то само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Андрей увидѣлъ свою небывалую красавицу, увеличились и мощь, и жгучесть его сердечныхъ движеній. Главное же—прежде чѣмъ онъ увидѣлъ ее, для него не было опредѣленнаго образа, къ которому бы прямо направились бурныя влеченія его сердца, на которомъ бы сосредоточивались его горячія желанія, около котораго вились бы его безпокойныя мысли, который бы разжигалъ, плѣнилъ его и манилъ къ себѣ,—не было живого существа, отъ котораго бы жаждущее любви сердца могло ожидать себѣ отвѣта, сочувствія, которое бы въ состояніи было дать счастіе, радость, наслажденія, блаженство: теперь же такой образъ — образъ чудный, очаровательный—на лицо,—теперь же такое существо—существо прелестное, восхитительное—предъ глазами. Сколько же поэтому силы, энергіи, горячности, огня должна была прибавить встрѣча Андрея съ дивной красавицей всѣмъ страстнымъ движеніямъ его души и сердца! И дѣйствительно! Андрей весь охваченъ пламенемъ любви, пламенемъ страсти, весь плѣненъ своей обворожительной незнакомкой. Онъ съ трудомъ узнаетъ, кто она. Оказывается, между прочимъ, что она полька. Но всѣ струны сердца его такъ сильно звучатъ любовью, страстью къ ней, такъ заглушаютъ въ немъ все остальное, что онъ рѣшительно не замѣчаетъ этого послѣдняго обстоятельства. Тѣмъ болѣе, что въ данное именно время не слышно брани между казацкимъ племенемъ и польскимъ. Все вниманіе Андрея, когда онъ узнаетъ, кто его незнакомка, поглощается лишь тѣмъ, что она свободна, незамужемъ, и что она стала для него извѣстна, — *она*, которая,

словно чудесное видѣніе, явилась предъ нимъ въ такомъ поразительномъ свѣтѣ. Онъ теперь знаетъ, что можетъ къ ней стремиться, и знаетъ, къ кому именно стремиться. И онъ рвется къ ней всѣми силами своей мощной, страстной, кипучей души. Для того, чтобы увидѣть свою чудную красавицу еще разъ и хоть сколько нибудь познакомиться съ ней, Андрей учиняетъ такой безразсудный, такой опасный поступокъ, на который способна вызвать одна только жгучая, пламенная, непобѣдимая страсть. А что дѣлается съ нимъ, когда ему удается такимъ образомъ попасть къ своей волшебной красавицѣ? Какое новое очарованіе овладѣваетъ имъ въ это время? Какъ она своими легкомысленными шалостями раздуваетъ и безъ того сильную пламень его любви, его страсти къ ней? Онъ видитъ ее еще разъ-другой, но за тѣмъ его милая, его дорогая для него исчезаетъ. Проходитъ больше двухъ лѣтъ, а онъ все еще помнитъ ее. Прощаніе съ матерью, предъ отъѣздомъ въ Сѣчь, до слезъ растрогало Андрея; однако, дорогою онъ думаетъ не о матери, и не о предстоящей ему новой жизни и дѣятельности, а только *о ней*, о прекрасной полячкѣ. Бурная жизнь и удалыя потѣхи казаковъ, во время пребыванія ихъ въ Сѣчи, приходятся Андрею по душѣ и увлекаютъ его собою. Но болѣе всего соотвѣтствуетъ его мощной, страстной, кипучей, увлекающейся натурѣ дѣло ратное. Вотъ какъ это послѣднее плѣняло его собою, вотъ въ какое восхищеніе, въ какое изступленіе оно приводило его! „Андрей, передаетъ авторъ, весь погрузился въ очаровательную музыку пуль и мечей. Онъ не зналъ, что такое значитъ обдумывать, или разсчитывать, или измѣрять заранѣе свои и чужія силы. Бѣшенную нѣгу и упоенье онъ видѣлъ въ битвѣ: что-то пиршественное зрѣлось ему въ тѣ минуты, когда разгорится у человѣка голова, въ глазахъ все мелькаетъ и мѣшается, летятъ головы, съ громомъ падаютъ на землю кони, а онъ несется, какъ пьяный, въ свистѣ пуль, въ сабельномъ блескѣ, и наноситъ всѣмъ удары, и не слышитъ нанесенныхъ“. Однако, вытѣснило ли все это изъ души Андрея прекрасный, чудный, милый, дорогой образъ полячки? Та или другая идея до того увлекаетъ человѣка, до того овладѣваетъ имъ, что всѣ его силы и способности, весь жаръ его души, всѣ его горячія чувства, всѣ его страстныя желанія обращаетъ на служеніе себѣ. Онъ посвящаетъ этой идеѣ все свое бытіе, все свое *я*, въ ней одной видитъ онъ радость, счастіе, блаженство, изъ-за нея отказывается

онъ отъ самыхъ сладкихъ, отъ самыхъ обольстительныхъ восторговъ и утѣхъ любви, она тушитъ въ немъ самое сильное пламя послѣдней, она сама становится его возлюбленной, его милой, его дорогой, она къ себѣ самой возбуждаетъ жгучую, безпредѣльную любовь, страсть, для нея онъ жертвуетъ всѣмъ, всѣмъ, даже самой жизнью своею. Такъ, напримѣръ, увлекались и увлекаются идеей проповѣдники христіанской любви, христіанскаго милосердія,—любители наукъ, искусствъ,—защитники вѣры, отечества,—борцы за правду, за человѣческое достоинство, — вообще посвятившіе себя служенію всему истинному, всему прекрасному, всему доброму. Такъ ли-жъ Андрей увлекается ратнымъ дѣломъ? Изъ приведенныхъ словъ автора о чудномъ дѣйствіи битвы на Андрея видно только, что его воспламеняетъ, обольщаетъ, опьяняетъ самый процессъ ея—ея ужасный, адскій хаосъ, ея дикая, сатанинская прелесть, ея бурное, бѣшенное очарованіе, — но не видно, чтобы онъ проникся, плѣнился, вдохновился идеей, во имя которой она происходитъ. Правда—онъ изъ за этой же идеи и сражается; однако, не она кипятитъ и волнуетъ всю его кровь, не она потрясаетъ всѣ его нервы, не она служитъ причиной его восторга, его упоенія. Такое дѣйствіе производитъ на него только само сраженіе. Онъ подчиненъ, послушенъ данной идеѣ, но не *страстно* преданъ ей. Она является его госпожей, которой онъ пока служитъ вѣрно, искренно—и только, но не возлюбленной, которою бы онъ жилъ и дышалъ, которой бы служилъ съ горячей страстью, съ трепетнымъ волненіемъ, съ сладостнымъ восторгомъ, къ которой бы неудержимо рвались всѣ силы его души и сердца, для которой бы ему казалось мало отдать всю жизнь, изъ-за которой бы онъ жаждалъ утонуть въ блаженствѣ самоотверженія. Между тѣмъ — если бы, кромѣ обворожительнаго дѣйствія боя на Андрея, имъ владѣла вполнѣ сейчасъ сказанная идея, еслибы она всецѣло господствовала въ его сердцѣ, — то онъ и послѣ сраженія остался бы очарованнымъ, ничему, кромѣ того, что касается ея, недоступнымъ. Она изгнала бы изъ его души все враждебное себѣ и охраняла бы, ограждала бы его отъ всего этого. Совсѣмъ же другое дѣло, когда эта идея не царитъ надъ нимъ' когда она не наполняетъ собою всей его жизни, когда онъ увлекается, разгорается до забвенія всего только самымъ ураганомъ битвы. Въ такомъ случаѣ, съ прекращеніемъ послѣдней, кончается для Андрея и то восторженное, изступленное состояніе духа, въ

которомъ онъ находился во время ея продолженія и которое дѣлало его чуждымъ для всего остальнаго міра. Отсюда само собою разумѣется, что какъ бы ни увлекала, ни воспламеняла Андрея битва, она все-таки не въ состояніи была совершенно потушить тѣ чувства, которыя еще раньше вспыхнули въ немъ съ такою могучею силою, которыя охватили его всего, которыя уже больше двухъ лѣтъ жили въ его сердцѣ, волновали его душу и не давали ему покоя. Страстныя волненія, которыя испытывалъ Андрей подъ вліяніемъ битвы, только заслоняли, заглушали собою эти чувства, но не уничтожили, не искоренили ихъ совершенно. Правда — и послѣ сраженія Андрей далеко не былъ свободенъ отъ обаянія послѣдняго: его томила жажда снова упиться восторгомъ на страшномъ, кровавомъ и тѣмъ не менѣе чудномъ, обольстительномъ пирѣ войны. Но это еще менѣе могло истребить прежнія чувства Андрея, еще менѣе и заслоняло, заглушало ихъ собою. Проводи Андрей дальнѣйшую жизнь свою въ сраженіяхъ за вѣру и товарищей, не буди, не разжигай никто и ничто его прежнихъ чувствъ, — то эти послѣднія навѣрное бы рано или поздно совершенно заглохли и замерли, а идея, во имя которой казаки сражались, все болѣе и болѣе овладѣвала бы его душою и сердцемъ, пока онъ не сталъ бы ея горячимъ, страстнымъ поклонникомъ, подобно своему родному отцу и другимъ вѣрнымъ сынамъ Сѣчи, достойнымъ членамъ запорожской общины. Но случилось совсѣмъ иначе. Андрей только что началъ служить вѣрѣ и братьямъ по вѣрѣ. Его прежняя любовь, его прежняя страсть, чудный образъ его милой, воспоминанія ея очаровательныхъ прелестей еще живы въ немъ, хотя и таятся, хотя и скрываются въ глубинѣ его души. Ослѣпленный, оглушенный боевой жизнію, онъ не видитъ и не слышитъ ихъ. Но при всякомъ удобномъ случаѣ они безпокоятъ и волнуютъ его, хотя и теперь онъ ихъ не узнаетъ. Такъ они тревожатъ его во время томительнаго бездѣйствія при осадѣ Дубна. „Чудная Іюльская ночь“, въ свою очередь, будитъ въ немъ любовь, страсть, нѣгу, будитъ въ немъ желанія жить и наслаждаться. А то „величественное и грозное, которое представляется заревомъ вдали догоравшихъ окрестностей“ и которое „примѣшивается къ красотѣ Іюльской ночи“, еще болѣе усиливаетъ собою возбужденное состояніе духа Андрея; еще болѣе безпокойными дѣлаетъ его внутреннія волненія. Въ это время является предъ нимъ такое странное существо, что оно кажется ему привидѣніемъ, нечистымъ

духомъ. Еще и еще болѣе возбужденъ Андрей, еще и еще болѣе взволнованъ онъ. Призракъ, который представляется ему, оказывается татаркой, служанкой обворожившей его панночки. Но это уже совершенно потрясаетъ его. Онъ почти задыхается отъ волненія. Онъ узнаетъ отъ служанки, что прекрасная полячка въ осажденномъ городѣ, что она еще не замужемъ, что ей угрожаетъ мучительная голодная смерть, что она обращается къ нему за кускомъ хлѣба — не для себя, а для своей матери, что она желаетъ его видѣть, что она зоветъ его къ себѣ... А для того, чтобы онъ могъ проникнуть къ ней въ осажденный городъ, она рѣшилась даже открыть ему черезъ свою служанку тайну ведущаго туда подземнаго хода. „И все минувшее, говоритъ авторъ, все, что было заглушено нынѣшними казацкими бивакамн, суровой бранной жизнію, все всплыло разомъ на поверхность, потопивши въ свою очередь настоящее. Опять вынырнула передъ нимъ гордая женщина; вновь сверкнули въ его памяти прекрасныя руки, очи, смѣющіяся уста, густые темно-орѣховые волосы, курчаво распавшіеся по грудямъ, и всѣ упругіе, въ согласномъ сочетаньи созданные члены дѣвическаго стана. Нѣтъ, они не погасали, не исчезали изъ груди его, они посторонились только, чтобы дать на время просторъ другимъ могучимъ движеніямъ; но часто, часто смущался ими глубокій сонъ молодаго казака, и часто, проснувшись, лежалъ онъ безъ сна на одрѣ, не умѣя истолковать тому причины". Но снова поднявшійся въ душѣ Андрея дивный, очаровательный образъ полячки теперь еще глубже волнуетъ весь его внутренній міръ, еще самовластнѣе распоряжается всѣми его силами и способностями; ставшая опять предъ нимъ гордая, чудная красавица теперь еще большее обаяніе производитъ на него, еще сильнѣе влечетъ его къ себѣ. Встрѣча и знакомство Андрея съ панночкой въ Кіевѣ были такъ мимолетны. Кромѣ легкомысленной, вѣтренной, чисто дѣтской шалости, панночка никакой близости не обнаружила тогда по отношенію къ Андрею, ничѣмъ не заронила въ душу его надежды на взаимность и нималѣйшаго доступа къ себѣ не указала его любви, его страсти. Теперь же, въ самое серьёзное, въ самое ужасное для нея время, она обращается къ нему, какъ къ человѣку, близкому ей, — обращается къ нему, не смотря на то, что онъ въ лагерѣ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ враго всего ея рода и племени, — она, открывая ему подземный ходъ, отдаетъ въ его руки свою собственную судьбу и судьбу всѣхъ дорогихъ

ея сердцу,—и это она дѣлаетъ для того, чтобы увидѣться съ нимъ! Сколько же новой пищи дано теперь его любви! Какой широкій просторъ открытъ теперь для всѣхъ страстныхъ движеній его сердца! Панночка теперь въ несчастіи. Но очутись злѣйшій нашъ врагъ въ бѣдѣ, мы невольно тронемся его участію, невольно простимъ ему многое, если только у насъ живо истинно человѣческое чувство. Какъ же должно отзываться въ сердцѣ Андрея горе той, которая для него дороже жизни! Панночку мучитъ, терзаетъ голодъ. Какъ же не спѣшить Андрею къ ней на помощь! Вѣдь, онъ и безъ того желалъ бы скорѣе мысли перелетѣть къ ней! Татарка, прежде чѣмъ указать подземный ходъ Андрею, требуетъ отъ него обѣщанія, что онъ не употребитъ даннаго открытія во вредъ полякамъ. Андрей тотчасъ же горячо клянется ей въ этомъ „крестомъ святымъ". Напрасно требованіе, напрасна клятва. Андрею и въ голову не приходитъ воспользоваться подземнымъ ходомъ для какой-нибудь другой цѣли, кромѣ той, съ которою послѣдній ему указанъ. Образъ панночки вытѣсняетъ изъ души Андрея все, заслоняетъ отъ него весь міръ. Андрей совершенно поглощенъ мыслію, какъ бы скорѣе увидѣть панночку, какъ бы скорѣе подать ей помощь. При этомъ самый образъ панночки до того сосредоточиваетъ на себѣ всѣ силы его души, до того волнуетъ его, до того кружитъ ему голову, что онъ даже забываетъ, куда и зачѣмъ идетъ. А когда память возвращается къ нему, онъ весь исполняется ужаса, испуга: ему вдругъ приходитъ на мысль, что панночка умираетъ съ голода. Пожираемый нетерпѣніемъ, дрожа отъ волненія, Андрей отыскиваетъ на возахъ и между возами лучшей провизіи и набираетъ ея столько, сколько можетъ понести. Въ это время чуть не помѣшали всѣмъ его намѣреніямъ Остапъ и Тарасъ, которыхъ онъ невольно разбудилъ, но которые тотъ часъ же опять заснули,— и возможность отправиться къ панночкѣ съ провизіей кажется ему еще большимъ счастіемъ. Вмѣстѣ съ татаркой идетъ Андрей подземнымъ ходомъ въ городъ. Таинственность и суровая мрачность „землянаго корридора", гробы, виднѣющіеся въ стѣнахъ его, кости человѣческія, попадающіяся на пути,—все это сильно дѣйствуетъ на взволнованную душу Андрея. Подземный ходъ приводитъ Андрея къ монастырской церкви. Андрей подъ высокими сводами послѣдней. Здѣсь его невольно трогаетъ печальный, изнуренный видъ молящихся; здѣсь онъ невольно умилится

возвышенной молитвой священника; здѣсь онъ поражается чуднымъ свѣтомъ, внезапно озарившимъ всю церковь; здѣсь—наконецъ, онъ очаровывается величественной, небесной музыкой, дивно оглашающей храмъ. Вмѣстѣ же съ тѣмъ Андрей невольно чувствуетъ, что у враговъ его, которыхъ онъ до сихъ поръ такъ презиралъ, есть много хорошаго, много прекраснаго. А какъ поражаютъ впечатлительнаго Андрея ужасныя жертвы голода, которыя вслѣдъ затѣмъ попадаются ему въ городѣ почти на каждомъ шагу! Еслибы вообще люди, враждующіе между собою, могли проникнуть другъ другу въ душу и видѣть все, что каждый изъ нихъ переживаетъ во время распри, то очень часто даже злѣйшіе враги исполнились бы взаимнаго уваженія, тронулись бы взаимнымъ горемъ и стали бы хорошими друзьями. Еслибы въ частности тотъ или другой воинъ перенесся къ своимъ непріятелямъ, замѣтилъ бы между ними добрыя и прекрасныя человѣческія мысли, чувства и дѣйствія, видѣлъ бы вездѣ страшныя жертвы кровавой брани,—то будь онъ даже самымъ ярымъ ненавистникомъ тѣхъ, противъ кого сражается, все-таки его презрѣніе, злоба и вражда относительно ихъ замѣнились бы уваженіемъ, состраданіемъ и участіемъ къ нимъ. Подобное же случилось и съ Андреемъ. „При видѣ поражающихъ свидѣтельствъ голода, говоритъ авторъ, Андрей не вытерпѣлъ не спросить татарку:—Неужели они (т. е. жертвы голодной смерти) однакожъ совсѣмъ не нашли, чѣмъ пробавить жизнь? Если человѣку приходитъ послѣдняя крайность, тогда, дѣлать нечего, онъ долженъ питаться тѣмъ, чѣмъ дотолѣ брезгалъ: онъ можетъ питаться тѣми тварями, которыя запрещены закономъ, все можетъ тогда пойти въ снѣдь". Въ этихъ словахъ слишкомъ ясно выражается и уваженіе, и состраданіе, и участіе Андрея къ врагамъ. Кромѣ того, самая любовь Андрея къ панночкѣ должна была окрасить собою всѣ его мысли и чувства относительно поляковъ—ея соплеменниковъ. Во всякомъ случаѣ—послѣдніе не могутъ сдерживать его сердечныхъ порывовъ даже въ тѣ моменты, когда онъ еще только приближается къ дому, гдѣ живетъ его милая. Тѣмъ же менѣе могутъ они сдерживать эти сердечные порывы его въ то время, когда онъ уже видитъ ее предъ собою. Какъ ни прекрасна, какъ ни чудесна была полячка прежде, но теперь она „вдвое прекраснѣе, вдвое чудеснѣе: тогда было въ ней что-то неоконченное, теперь—это произведеніе, которому художникъ далъ послѣдній ударъ

кисти. То была прелестная, вѣтренная дѣвушка; эта—красавица, женщина во всей развившейся красѣ своей. Въ глазахъ ея выражается теперь полное чувство, не отрывки, не намеки на чувство, а все чувство". А грудь... а шея... а плечи... а волосы... словомъ—все это чудное созданіе полно теперь небывалыхъ прежде чаръ, и каждая изъ его прелестей отдѣльно заключаетъ въ себѣ бездну новаго очарованія. „И ощущаетъ Андрей благоговѣйную боязнь" въ присутствіи полячки, „и стоитъ онъ передъ нею неподвиженъ". Она является для него божествомъ, къ которому никто изъ смертныхъ не достоинъ приблизиться. Но это божество, это поистинѣ совершеннѣйшее твореніе божіе между людьми, это полное олицетвореніе женской красоты, эта „лучшая изъ женъ", недоступная даже для тѣхъ избранныхъ, которые составляютъ цвѣтъ „вельможнаго рыцарства", рвется душою и сердцемъ къ Андрею и любитъ его всѣмъ жаромъ, всей горячностью первой любви,—любви только что развившейся кипучей молодой натуры,—любви женщины, обладающей избыткомъ физическихъ и духовныхъ силъ,—любви живой, какъ сама жизнь, и мощной, какъ сама мощь. Истинная любовь и обыкновенныхъ людей, украшая ихъ прелестями святаго чувства, озаряя ихъ его свѣтомъ и жизнію, часто творитъ чудеса, часто воспламеняетъ собою даже тѣхъ, которые раньше относились къ этимъ людямъ совершенно хладнокровно, совершенно равнодушно,—тогда какъ и замѣчательная, но недоступная красота леденитъ сердце и приводитъ въ оцѣпенѣніе самые страстные порывы души, самыя сильныя движенія ея. Какъ же чудотворна должна быть могучая любовь, соединенная съ обворожительной, совершеннѣйшей красотою и отзывающаяся на такое же могучее чувство, которое жадно, съ крайнимъ напряженіемъ, съ благоговѣйнымъ трепетомъ ждало ея отвѣта?! И дѣйствительно, прочитавъ „во взорахъ дѣвы то, чего не властны выразить ни рѣзецъ, ни кисть, ни высокомогучее слово",—Андрей всецѣло проникся чувствомъ, что и погубить себя изъ-за этой дѣвы было бы для него высшимъ счастіемъ, высшимъ наслажденіемъ. Между тѣмъ въ то самое время, когда души и сердца ихъ сливаются въ одно,—отечество его требуетъ, чтобы онъ бѣжалъ отъ своей возлюбленной—и такимъ образомъ вмѣсто невыразимаго блаженства отдался бы адскимъ, безконечнымъ, какъ вѣчность, мукамъ. И этимъ требованіемъ своимъ отечество его ввергаетъ въ безъисходное горе, въ страшное отчая-

віе *ее*,—*ее*, за счастіе и спокойствіе которой онъ радъ всего себя принести въ жертву. Нѣтъ сомнѣнія, что всякій, болѣе или менѣе просвѣщенный читатель разсматриваемой нами повѣсти, всякій, въ комъ развито чувство правды, въ комъ горитъ свѣтильникъ истины, всей душою желалъ бы, чтобы Андрей остался вѣрнымъ сыномъ своего отечества, чтобы онъ личныя временныя блага пожертвовалъ общей, вѣчной идеѣ. Но въ то-же время, кто, прочитавъ чудный разсказъ чародѣя—поэта о взаимныхъ отношеніяхъ Андрея и полячки, найдетъ неестественнымъ, что онъ—Андрей отвлеченной, далеко еще не овладѣвшей его душою и сердцемъ, идеѣ отечества предпочитаетъ живую, прекрасную, чудную, очаровательную личность, которая наполняетъ собою все его существо, въ которой вся его жизнь, всѣ его радости, весь—однимъ словомъ—божій міръ—и разстаться съ которой для него въ милліоны милліоновъ разъ тяжелѣе, мучительнѣе, чѣмъ разстаться съ жизнью? Нѣтъ! кто жилъ и любилъ, кто въ избранномъ имъ существѣ видѣлъ олицетвореніе всего лучшаго, для кого любимая личность была всѣмъ на свѣтѣ,—тотъ пойметъ, какой жизненной правдой дышетъ весь разсказъ автора объ Андреѣ. Поймутъ это и тѣ, которые еще не испытали сладости истинной любви, но сердце которыхъ, послушное естественнымъ законамъ жизни, открыто для такого чувства. А глухонѣмымъ и обыкновенная человѣческая рѣчь непонятна, слѣпымъ и красное солнышко не свѣтитъ.

Вообще—дивное и колоссальное видимъ и слышимъ въ чудной повѣсти „Тарасъ Бульба". Дивны и колоссальны вѣроломство, ненависть, жестокость, безчеловѣчность... Дивны и колоссальны любовь, преданность, героизмъ, самоотверженіе... Но какъ мрачныя, такъ и свѣтлыя картины повѣсти въ высшей степени естественны, въ высшей степени вѣрны. Кромѣ всего сказаннаго уже, это подтверждается и самымъ дѣйствіемъ, которое онѣ производятъ на насъ. Мы скорбимъ, горюемъ объ измѣнѣ лучшаго и храбрѣйшаго изъ казаковъ. Мы проникаемся ужасомъ, страдаемъ душою и сердцемъ, негодуемъ всѣмъ существомъ своимъ, встрѣчая въ повѣсти такія человѣческія дѣянія, отъ которыхъ рѣкою льется кровь людская, отъ которыхъ самъ адъ долженъ содрагаться. Мы трогаемся безпредѣльной любовью того же казака-измѣнника, его дѣтскою, безусловной покорностью предъ отцемъ, когда тотъ говоритъ ему: „Я тебя породилъ, я тебя убью"! Мы

озаряемся нравственнымъ свѣтомъ, ощущаемъ духовный миръ, исполняемся благоговѣнія, когда въ той же повѣсти видимъ такія искупительныя жертвы, которыми лучше всего выражается человѣческая любовь, человѣческая мощь и сила, которыми наиболѣе возвышается и освящается личность, которыя самому небу доставляютъ великое торжество. Но всѣ эти различныя душевныя волненія испытываемъ потому, что картины и образы, порождающіе ихъ, дышатъ жизнью и правдою. И въ самомъ дѣлѣ! Развѣ человѣкъ, превосходящій своими дарованіями всѣ земныя твари, не становится, однако, часто ниже этихъ послѣднихъ? развѣ онъ не придумываетъ для ближняго своего такихъ мукъ, что вся мудрость сатанинская, вся сила адская завидуетъ его изобрѣтательности, его жестокости? И развѣ этотъ же самый человѣкъ не дѣлается посредствомъ своихъ удивительныхъ способностей истиннымъ царемъ и властелиномъ природы? развѣ онъ изъ любви къ идеѣ, изъ любви къ ближнему не подвергается самымъ ужаснымъ мукамъ, не жертвуетъ всѣмъ для него дорогимъ и милымъ, не жертвуетъ жизнью и не возвышается духомъ къ Тому, Кто пострадалъ и умеръ за всемірную истину, за всѣхъ людей??

КОНЕЦЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб. В. О., 2 л., 7 и типографія Шахта, В. О. Больш. пр., 2.